ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 15 (3360) Четверг, 3 февраля 1955 г. Цена 40 коп.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

25—31 января состоялся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Пленум заслушал и обсудил доклад тов. Хрущева Н. С. об увеличении производства продуктов животноводства и принял соответствующее постановление.

В интересах народа

От далекого алтайского совхоза, созданного на целинных землях, до высокогорного карпатского села—всюду труженики сельского хозяйства, все советские люди, где бы они ни жили, с огромным вниманием знакомятся с постановлением Пленума ЦК КПСС «Об увеличении производства продуктов животноводства». Этот документ огромного политического и хозяйственного значения является боевой программой дальнейшего подъема советского земледелия и животноводства.

Читая этот документ, советские люди с гордостью отмечают успехи, достигнутые в социалистическом сельском хозяйстве на базе развития тяжелой индустрии. После сентябрьского Пленума ЦК КПСС в сельском хозяйстве страны произошли крупные изменения, созданы необходимые условия для дальнейшего мощного подъема всех отраслей сельскохозяйственного производства. Значительно возросла техническая вооруженность МТС и совхозов, в деревне сейчас работает почти двухмиллионная армия механизаторов, около 120 тысяч агрономов и зоотехников.

По воле партии героическим трудом советских людей в минувшем году в районах Сибири, Урала, Казахстана, Поволжья и Северного Кавказа поднято свыше 17 миллионов гектаров прежде пустовавших целинных и залежных земель. Это дало возможность получить дополнительно сотни миллионов пудов хлеба и, несмотря на неблагоприятные условия погоды летом минувшего года в ряде важных зерновых районов, заготовить значительно больше зерна, чем в 1953 году.

Успехи в сельском хозяйстве бесспорны, они радуют всех нас. Успехи эти достигнуты благодаря заботам партии и правительства об экономике страны, о развитии сельского хозяйства, о советском человеке.

Сегодня, знакомясь с постановлением январского Пленума, мы видим в нем новое проявление заботы нашей партии о дальнейшем росте благосостояния советского народа, об удовлетворении его все возрастающих материальных и культурных потребностей.

Партия направляет усилия народа на преодоление отставания животноводства, как наиболее запущенной отрасли сельского хозяйства. Затянувшееся отставание животноводства превратилось в серьезную преграду на пути дальнейшего подъема материального благосостояния трудящихся и развития легкой и пищевой промышленности. Быстрейший подъем животноводства, и в первую очередь общественного, имеет жизненно важное значение для страны, является ныне самой неотложной задачей партии и государства в сельском хозяйстве.

Хотя в стране увеличилось поголовье всех видов продуктивного скота, уровень развития животноводства в настоящее время, особенно по продуктивности, а также и по количеству скота, не удовлетворяет нас. Речь идет о том, чтобы уже в ближайшие годы наша страна имела в достатке все сельскохозяйственные продукты, в том числе и продукты животноводства.

Перед тружениками колхозов и совхозов поставлена задача: в ближайшие пять-шесть лет производство основных продуктов животноводства увеличить в два—два с лишним раза. Насколько должна возрасти продуктивность скота, видно по таким, например, цифрам: в 1960 году в целом по стране на одну корову в колхозах намечается получить не менее чем 1700 килограммов молока, а в совхозах — свыше трех тысяч килограммов.

Ставя задачу столь резкого увеличения производства животноводческой продукции в короткие сроки, Пленум ЦК КПСС исходит из того, что в настоящее время для крутого подъема животноводства созданы необходимые условия, что колхозы, МТС и совхозы располагают огромными внутренними резервами и возможностями, умелое использование которых позволит удовлетворить потребности страны в продуктах животноводства.

Ставя такие огромные задачи, партия указывает и пути осуществления этих задач, намечает конкретную программу действий.

Каковы же эти пути?

В постановлении подчеркивается, что решающим условием подъема животноводства является дальнейшее увеличение производства зерна. Зерновое хозяйство—основа всего сельскохозяйственного производства. И это вполне понятно. Рост городского населения, необходимость иметь больше зерна для пополнения государственных резервов и расширения внешней торговли, большая потребность в фуражном зерне для животноводства — все это, вместе взятое, требует увеличения валового сбора зерновых культур.

Нам нужен через пять-шесть лет ежегодный валовый сбор зерна не менее 10 миллиардов пудов! Эта цифра будет начертана на знамени всенародного социалистического соревнования миллионов колхозников и колхозниц, рабочих совхозов, механизаторов и специалистов сельского хозяйства.

Достигнув валовых сборов зерна не менее десяти миллиардов пудов, наша страна сможет выделить для животноводства более 4 миллиардов пудов зерна и, кроме того, значительное количество отрубей, жмыхов и различных комбикормов. Следовательно, животноводство получит устойчивую кормовую базу для своего развития, оно станет высокопродуктивным и высокотоварным.

В постановлении Пленума отмечается, что одной из серьезных причин отставания производства кормов явилось неправильное планирование со стороны Госплана, министерств сельского хозяйства и совхозов СССР. Во многом виноват шаблон. Ведь известно, что даже в засушливых южных районах внедрялись многолетние травы, от которых нельзя ждать здесь высоких урожаев, тогда как посевы ценных кормовых культур, в частности корнеплодов, игнорировались.

А между тем для создания прочной кормовой базы недостаточно иметь только фуражное зерно. Для этого нужны еще и силос, и корнеплоды, и зеленые корма.

Кукуруза! Вот культура, которая до сих пор еще недооценивалась. Кукуруза это—зерно, это — силос, это — зеленая масса. Кукуруза — лучший корм скоту. Пленум ЦК КПСС постановил довести к 1960 году посевные площади кукурузы не менее чем до 28 миллионов гектаров.

Что еще имеет первостепенное значение для развития животноводства? Механизация. Благодаря механизации облегчается тяжелый труд работников ферм, он делается более производительным; значительно удешевляется и продукция животноводства.

В постановлении Пленума ЦК КПСС особенно подчеркивается роль машинно-тракторных станций в механизации трудоемких работ на фермах. Машинно-тракторные станции призваны, так же как и в полеводстве, стать решающей силой в производстве мяса, молока, шерсти и других продуктов животноводства, призваны осуществить комплексную механизацию работ по кормодобыванию и трудоемких работ на фермах.

Чтобы обеспечить комплексную механизацию, потребуется обучить трактористов и комбайнеров новому и важному делу — проведению монтажных, электромонтажных и водопроводных работ на фермах, ремонту кормоприготовительных машин, механизмов и пароснабжения установок.

Подъем культуры животноводства немыслим без строительства в колхозах современных добротных стандартных животноводческих помещений. Партией и тут указаны конкретные пути. Всячески должны быть использованы местные возможности; расширено производство черепицы, кирпича, извести, бутового камня, самана, камышитовых плит и других материалов.

Большое значение для подъема животноводства имеет распространение передового опыта. В каждой области, в каждом районе, — это показала, в частности, Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1954 года — имеются колхозы, у которых можно многому поучиться. Однако на местах недооцениваются пропаганда и практическое внедрение в производство достижений передовиков. Центральные и местные издательства мало выпускают плакатов, брошюр и книг о новаторах животноводства.

В пропаганде опыта передовиков огромная роль принадлежит специалистам сельского хозяйства — агрономам, зоотехникам, ветеринарам. Сельская интеллигенция призвана внедрять в колхозное и совхозное производство все новое, прогрессивное, бороться с косностью и рутиной в ведении общественного хозяйства.

Таковы пути быстрейшего подъема животноводства. А что такой быстрый и решительный подъем возможен, говорит опыт ряда областей — Челябинской, Рязанской, Винницкой, Черновицкой и других. Здесь сумели в прошлом году увеличить средний удой молока от коровы на 300—400 литров.

В постановлении Пленума указывается на необходимость того, чтобы партийные, советские и сельскохозяйственные органы лучше, с глубоким знанием дела руководили сельским хозяйством. Ведь есть еще немало фактов, когда организаторская работа в колхозах, МТС и совхозах подменяется общими декларациями и призывами.

Пленум ЦК КПСС уделил большое внимание вопросам улучшения партийно-политической работы в деревне. В постановлении Пленума сказано: «Надо воспитывать сознательное отношение к труду, к своим обязанностям, воспитывать понимание у каждого работника, что его труд является частицей великой всенародной борьбы за укрепление могущества и процветание нашей Родины. В партийно-политической работе нужно всегда помнить указание великого Ленина о том, что массы все могут, когда они все знают и на все идут сознательно».

Коммунистическая партия в борьбе за дальнейшее укрепление могущества Советского государства считает своей главной задачей дальнейшее развитие тяжелой индустрии и на этой основе новый подъем всех отраслей народного хозяйства, неуклонное улучшение благосостояния советского народа. Наряду с мощной промышленностью нам необходимо высокоразвитое сельское хозяйство!

Нет сомнения в том, что под руководством Коммунистической партии рабочий класс, колхозное крестьянство и наша интеллигенция, все советские люди с успехом решат намеченную в постановлении Пленума ЦК КПСС величественную программу дальнейшего подъема земледелия и животноводства.

К ВСЕСОЮЗНОМУ СОВЕЩАНИЮ РАБОТНИКОВ ИЗДАТЕЛЬСТВ И ПОЛИГРАФИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Книга и ее жизнь

Вл. ЛИДИН

В основе старого изречения «книги имеют свою судьбу» лежит прежде всего та истина, что их судьбу определяют читатели. Именно они дают жизнь и движение хорошей книге и предают забвению плохую. Эта истина, однако, зачастую игнорируется нашими издательствами и книготорговыми организациями, и об этом стоит поговорить не с академическим беспристрастием, а со страстью заинтересованного читателя. Речь идет о важнейшем государственном деле — о сбережении драгоценной бумаги, иногда бесцельно и бесплодно загубленной.

Начну с наших местных издательств. Как писатель и читатель, я всегда испытываю радость, когда вижу на книге марку того или иного областного издательства. Это говорит о том, что здесь растят своих литераторов и издают книги, посвященные важнейшим проблемам области, ее истории, ее культуре. Год назад мне привелось поездить по Ярославской области, у которой, как, разумеется, и у других областей, есть целый ряд своих особых проблем. Люди земледелия, например, озабочены здесь улучшением так называемых кислотных земель, остро нуждающихся в известковании. В Ярославской области существует древнейшее и, к сожалению, ныне деградирующее искусство финифти, оспаривавшее в былые времена славу византийских эмалей. В Ростове-Ярославском с его постепенно мелеющим озером Неро стоит на очереди вопрос о разработке иловых удобрений, так называемых сапропелитов. С Ярославской областью, наконец, связано немало имен русских писателей и актеров — Некрасова, Волкова, Дмитревского, Трефолева. Казалось бы, книга, изданная областным издательством и посвященная темам, связанным с проблемами и историей области, могла бы вызвать и всесоюзный интерес.

Такой интерес, несомненно, представляли бы том избранных произведений Л. Трефолева, выпущенный, и притом отлично, в 1951 году; но книга эта отпечатана в количестве 7 500 экземпляров, и мало кто ее видел в Москве. В то же время передо мной на столе лежит книга Стивенсона «Остров сокровищ», изданная в Чувашской автономной республике тиражом в 75 тысяч экземпляров. Слов нет, Стивенсона любит читать наша молодежь, и тираж книги, несомненно, разойдется. Но почему Стивенсона массовым тиражом издают в Чебоксарах, а Золя — в Смоленске? Почему хаотически расходуется бумага для книг, не имеющих никакого отношения к интересам той или иной области?

Может быть, областные издательства радеют об интересах читателей во всесоюзном масштабе? Но книги, выпускаемые ими массовыми тиражами, вышли уже и в Гослитиздате, и в «Молодой гвардии», и в Детгизе, и уж если эти книги нуждаются в дополнительных тиражах, то их следует печатать с матриц в тех же издательствах, а не загружать и без того перегруженные местные типографии, бесцельно расходуя государственные средства. Однако все весьма просто: областными издательствами руководят не побуждения государственного порядка, а иные соображения.

— Книги наших местных авторов плохо идут, — скажут руководители этих издательств. — Печатаем их 5—10 тысяч экземпляров, себе в убыток, а одно массовое издание Золя или Стивенсона позволяет покрыть убытки по другим книгам.

Правильно ли это? Нет. Это дурно уже потому, что искажает природу и назначение книги.

Нельзя признать закономерным то, что, возложив всю ответственность за распространение плохой, серой книги на книготорги, издательства лицемерно возмущаются тем, что у нас плохо торгуют книгами. У наших книготорговых организаций множество грехов и слабостей, но нельзя же, в самом деле, выпустив плохие стихи или плохие рассказы, требовать от книготорга, чтобы он убедил читателей покупать эти книги. В этом случае начинает действовать и другая вредная практика: вопреки требованию читателей, такая литература вручается библиотекам в качестве некоего принудительного ассортимента и выстраивается на полках трагическими рядами нечитаемых книг. Отнесем к вредной практике и заявления, что книга «разошлась», в то время как она попросту рассована по библиотекам.

Недавно на беседе в редакции «Литературной газеты» московские библиотекари с негодованием говорили, что полки библиотек заставлены книгами, выпускаемыми не только сверх всякого спроса читателей, но и вопреки этому спросу, и даже поднимали вопрос о том, чтобы предоставить библиотекам право пустить обратно в продажу эту ненужную им литературу.

Областные издательства выпускают зачастую хорошие книги. Но так уже повелось, что Стивенсон, изданный в Чебоксарах, или Золя, выпущенный в Смоленске, появились в продаже в Москве. А вот, например, найдете ли вы в столице вышедшие в Иркутске две хорошие, свежие книги молодых местных писателей И. Дворецкого «Полноводье» и В. Мариной «Мои знакомые» — книги, которые по праву могли бы рассчитывать на внимание всесоюзного читателя? Их нет, потому что Стивенсон— это проверенное дело, а книгами молодых авторов надо уметь торговать. Так хорошие книги зачисляются в ряд «неходовых» и приносящих убытки, которые нужно покрывать деляческими способами.

Тираж — это бумага. Издательство «Советский писатель», чтобы выпустить книги в объеме плана 1955 года, вынуждено из-за недостатка бумаги печатать многие из них в количестве 15 тысяч экземпляров — тираж ничтожный, означающий, что книга даже в одном экземпляре попадет не во все библиотеки. Но скажем по справедливости: все ли выпускаемые книги нуждаются в большем тираже? Издательство — не автомат, штампующий пуговицы. Есть книги, которые нужно издать и пятидесятитысячным тиражом, но есть книги, для которых достаточно тиража и в 15 тысяч (если, конечно, думать об интересах читателя, а не о самолюбии автора).

Практика непомерных, не вызываемых необходимостью тиражей существует во многих издательствах. Библиотекари на той же беседе в редакции просто криком кричали о бесполезности переизданий некоторых книг, которыми переполнены и библиотеки и книжные магазины. Но библиотекам, особенно если это областные или районные, предоставлено право только разговаривать относительно того, какие им нужны книги, какие книги требует читатель; существует могучая десница библиотечного коллектора, снабжающая их по принципу чеховской жалобной книги: «лопай, что дают».

Виноват ли в этом мало достойном принципе коллектор, который тоже снабжается по этому принципу, виноват ли и книготорг, который примерно так же, то есть вне зависимости от читательских потребностей, обязан поглотить всю продукцию издательств? Ведь рекламации в издательском деле не существует. Плохую книгу издательство обратно не берет: весь риск за ее распространение ложится на книготоргующие организации.

Можно ли, например, обвинять в плохом распространении книги в деревне только книготорги? О торговле книгой на селе следует сказать особо. Как правило, в деревнях и селах, а зачастую и в районных центрах, где нет специального отделения книготорга, книгами торгуют в сельмагах. Но может ли продавец сельмага, то продающий обувь, то отмеряющий ткань, то отпускающий папиросы и керосин, по-настоящему заниматься попутно и таким ответственным делом, как торговля книгами?

Это очень важный, но не самый главный вопрос в деле распространения книги в деревне. Если печатная бумага предназначена для того, чтобы стать источником культуры, а не превращаться в омертвевшие книги, следует серьезно задуматься над тем, какая книга особенно нужна селу. Мне привелось как-то, будучи в колхозе имени Калинина, Плавского района, Тульской области, выехать с председателем колхоза Алексеем Васильевичем Елисеевым в поле, где убирали свеклу. Был час обеденного перерыва, колхозницы сидели кружком, отдыхая, и как-то само собой напрашивалась мысль о том, что не хватает чтения вслух.

— Как, Алексей Васильевич, — спросил я председателя, — если бы сейчас здесь появился расторопный книгоноша и разложил книжки стоимостью в 30—40 копеек, раскупили бы их у него?

— Безусловно, — сказал председатель, —и раскупили бы и вслух не одну книжку прочли бы.

— Ну, а если бы книжки были ценой в 3—5 рублей, — купили бы их?

— Нет, — ответил, не задумавшись, опытный деятель колхозной деревни, — не купили бы. Привычка тратить деньги на книги не у всех еще есть, и не один призадумается, прежде чем уплатить несколько рублей за книжку.

Эту истину мне много раз привелось проверить не только в Тульской, но и в Тамбовской, и в Пензенской, и в Ярославской областях. В сельмаге того же колхоза имени Калинина лежали книги художественной прозы ценой в 5—6 рублей и книги научные, стоящие 15 или даже 17 рублей,—лежали годами. А ведь наверняка при их тиражировании был расчет и на деревню, на сельского читателя, но расчет канцелярский, оторванный от жизни. А жизнь, ее живое движение показывает, как охотно, например, покупают на селе книжки дешевой «массовой серии», издаваемой Гослитиздатом. Мне приходилось видеть у некоторых колхозников в Кузнецком районе, Пензенской области, аккуратно подобранные книжечки библиотеки «Огонек». Почему такая любовь к этой библиотеке? Да потому, что книжечка «Огонька» портативна, ее можно положить в карман, читать в поле на роздыхе, а главное, потому, что она дешева. Вот где нужны гибкость в тиражировании, определение истинного спроса, понимание запросов читателя.

Разумеется, наряду с массовой книгой деревне нужна и обычная книга, рассчитанная на сельскую интеллигенцию и на значительную часть колхозников, не только покупающих книги, но и собирающих библиотеки. И здесь позволено будет сказать, что книготорг, который призван регулировать тиражи, плохо знает читателей, и издательства не без основания настораживаются, когда книготорг рекомендует им те или иные тиражи, так как не уверены в том, что они продиктованы действительным знанием запросов читателей.

Мне пришлось как-то увидеть в книжном магазине города Кирсанова, Тамбовской области, печальную картину: в магазине были одни стихи, к которым продавцы относились примерно так же, как относятся к залежавшемуся и требующему уценки товару. И за авторов было обидно и жаль было бесцельно израсходованной бумаги. Кто же виноват — издательства или сами поэты — в том, что книготорг завалил магазин стихами лишь для того, чтобы формально отписаться в распространении книг? Но и книготорг справедливо ответит, что спрос на стихи не может быть приравнен к спросу на художественную прозу; это естественно, и в этом нет ничего обидного для поэтов. Следовательно, нужно книги стихов, даже если они выпущены по юбилейному поводу, печатать теми тиражами, которые действительно соответствуют читательским потребностям; это нисколько, конечно, не исключает того положения, что и книгами стихов надо уметь торговать.

Хорошо известно, например, что для собрания сочинений Чехова, издаваемого Гослитиздатом, потребовался дополнительный, почти полумиллионный тираж, и эту цифру можно было бы без ущерба еще увеличить, — таков рост культуры, таковы потребности нашего читателя. На примере издания сочинений Чехова блистательно подтвердилось изречение, что книги имеют свою судьбу. Здесь сама жизнь внесла поправки в вопросы тиражирования. А вот приближающиеся к этой цифре тиражи переизданий некоторых современных авторов, переизданий совершенно автоматических, зачастую в целях удовлетворения авторского пристрастия к самому себе, — не только не жизненны, но и приносят вред, ибо бесцельно поглощают бумагу.

Мы предъявляем справедливые требования к нашей бумажной промышленности. Мы негодуем, когда видим на обрезе книги целый спектр различно отбеленной бумаги; у нас недостаточно выпускается культурных сортов, да и вообще, если перечислять недостатки бумажной промышленности, разговор будет долгим. Но у нас зачастую нехозяйственно, не по-государственному расходуют бумагу, и бумажники вправе сказать, что их нелегкий труд иногда просто бывает загублен. У нас весьма часто понятие «распространять» отождествляют с понятием «проталкивать». Главное — протолкнуть книгу, набрать на нее заказов, подбавить в принудительном порядке неходовое издание к ходовым; а что книга стоит на полке и ее не читают,— это не касается ни издательства, ни тем более книготорга, пусть в этом деле разбираются библиотекари.

Давно пришло время, когда вопросы о тиражах должны решаться спросом на книгу, и никакие побочные обстоятельства не могут влиять на расходование бумаги. Мы думаем также, что можно сэкономить бумагу, отжав путем хорошего редактирования воду из некоторых непомерно пухлых романов: это будет на благо и автору и читателю.

У книги должна быть своя судьба. А искусственно созданные судьбы рано или поздно развенчивает жизнь.

Международные отклики

ТАЙВАНЬ И АНГЛИЯ

У человека, не искушенного в политике, может сложиться впечатление, что Англия играет весьма скромную, второстепенную роль в нынешних событиях, создавших угрозу миру на Дальнем Востоке. Однако это впечатление обманчиво. Если бы Англия не поддерживала США в их агрессивных действиях в районе Тайваня, то США вряд ли отважились бы на подобные действия, вряд ли вели бы себя столь вызывающе.

Английское правительство, как показывают факты, не всегда безоговорочно поддерживало агрессивные планы США. Достаточно вспомнить хотя бы события, развернувшиеся в апреле 1954 года, накануне открытия Женевского совещания. В течение двух дней — 12 и 13 апреля — американский государственный секретарь Даллес, примчавшийся в Лондон, уговаривал Англию примкнуть к так называемым «объединенным действиям» в Индо-Китае. Английское правительство тогда отказалось от предложения Даллеса организовать коллективную интервенцию в Индо-Китае.

Иначе обстоят дела сегодня. Англия, по существу, выступила в поддержку американской агрессии против Китая. Представитель английского министерства иностранных дел заявил на днях: «Мы хотим по возможности скорее положить конец военным действиям». Как будто звучит миролюбиво? Однако на деле эта игра в миролюбие затеяна для того, чтобы помочь США закрепить оккупацию Тайваня, Пэнхуледао и других островов и расколоть, таким образом, территорию Китая, создав «два Китая».

Английская позиция нашла свое выражение в новозеландском предложении, внесенном на обсуждение Совета Безопасности. Цель новозеландского предложения — свалить вину за напряженное положение на Китайскую Народную Республику, одновременно сняв ответственность с США за агрессию против КНР.

Если бы США не на словах, а на деле искренне искали бы ключ к разрядке напряженности на Дальнем Востоке, они бы (чего проще!) убрали клику Чан Кай-ши с Тайваня куда-нибудь подальше и немедленно отозвали американские вооруженные силы с Тайваня и других китайских территорий.

Освобождение прибрежных островов, Тайваня и Пэнхуледао—чисто внутреннее дело Китая, в которое никто не имеет права вмешиваться. Каждый народ законно хочет быть хозяином в собственном доме.

Поддерживая оккупацию Соединенными Штатами китайского острова Тайвань, Англия на глазах у мирового общественного мнения нарушает свои же международные обязательства. Так, еще 20 декабря государственный министр лорд Рединг заявил, что Англия не рассматривает Тайвань, как составную часть Китайской Народной Республики. Но ведь Каирская декларация, под которой подписались Китай, Англия и США, предусматривает, что «все территории, которые Япония отторгла у китайцев», в том числе Тайвань и острова Пэнхуледао, должны быть возвращены Китаю после того, как они будут освобождены от японской оккупации. Разумеется, только Китайская Народная Республика может основывать свои права на положениях Каирской декларации. Никакого «второго Китая» не существует. Есть только укрывшиеся на Тайване под сенью американских пушек чанкайшистские ошметки, худая трава, выполотая и выкинутая китайским народом с поля вон.

Политика английского правительства в вопросе о Тайване вызывает осуждение со стороны широких кругов английской общественности. «Представьте себе,— указывает газета «Дейли геральд»,— как бесполезно требовать, чтобы коммунистический Китай одобрил такое урегулирование, которое обеспечило бы Чан Кай-ши признание в какомлибо виде или форме. Это — несерьезная политика. Англия должна была бы добиваться перевода Чан Кай-ши туда, где он не мог бы причинять беспокойства. Опасность положения требует от правительства твердости и ясности, а не бескребетности и двойственности».

Анализируя политику Англии на Дальнем Востоке, китайская газета «Женьминьжибао» не без оснований отмечала: «Чемберлен в свое время считал, что достаточно только удовлетворить притязания Гитлера в отношении Судетского района Чехословакии, и для Англии наступит спокойствие. Сейчас Иден также считает, что достаточно только удовлетворить требование США в отношении китайского острова Тайвань, и можно будет «уменьшить угрозы войны».

Однако история учит, что политика потакания и попустительства агрессии не принесла и не может принести Англии ни выгод, ни лавров.

ЛИТЕРАТОР

Издание сочинений Рабиндраната Тагора

Большая группа советских переводчиков, специалистов по индийской литературе, работает сейчас над подготовкой к изданию на русском языке собрания сочинений Рабиндраната Тагора. Оно выйдет в Государственном издательстве художественной литературы. Переводы делаются с языка бенгали, на котором создавал свои произведения великий писатель Индии.

В первый том войдет его роман «Крушение», в последующие—романы «Гора», «Дом и мир». Впервые переводятся на русский язык повести «Две сестры» и «Последняя поэма».

В собрание сочинений включены рассказы, драмы, поэтические произведения. Завершающий—восьмой — том будет состоять из воспоминаний, публицистики, в том числе избранных писем Рабиндраната Тагора из России.

Намечено также издать в этом году большим тиражом книгу рассказов писателя, которые заново переводятся с языка бенгали.

К 7-летию СОВЕТСКО-РУМЫНСКОГО ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ, СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ

Свет советской литературы

В прошлом русская, советская книга преследовалась в Румынии. Перед советской литературой дрожали румынские капиталисты и помещики. За чтение советской книги рабочий получал столько же ударов, сколько за тайное ношение оружия.

Этот преследуемый в прошлом борец — советская книга — стал ныне нашим любимым и неразлучным другом и советчиком, воспитателем и товарищем. Нет в Румынии такой, даже самой отдаленной деревни, где бы вы не нашли книг М. Горького, В. Маяковского, М. Шолохова, А. Фадеева, Н. Тихонова, А. Суркова и других советских писателей, а также ученых и новаторов производства. Однажды в селе Чикарифалва Венгерской автономной области я беседовал с крестьянином, прочитавшим книгу великого И. Мичурина. Простой крестьянин сказал мне: «Это, товарищ, не книга, а настоящая поэма».

Благородные идеи советских книг, проникающие в сознание нашего народа, превращаются в материальную силу; они—в труде горняка из долины Жиу и сталевара Хунедоары, земледельца Добруджи.

В газету, где я работаю, сельский корреспондент Янош Ковач прислал такое письмо: «Мы решили создать коллективное сельское хозяйство... Срочно добудьте нам 25 экземпляров романа товарища Шолохова «Поднятая целина».

Год назад я находился на лечении в клинике в г. Тыргу-Муреш. Как-то скорая помощь привезла электротехника Георге Букуре, с которым произошел несчастный случай. Ему сообщили, что он, возможно, потеряет обе ноги.

Его молодая жена рассказывала мне потом: «Пришла я к Георге, села на край кровати. Плачет... Боли уже прошли. Теперь у него душа болела — ведь он потеряет ноги. Плакала и я. Целые ночи не спала. Муж говорил, что покончит с собой, без ног жить не сможет.

Но вот кто-то подарил ему книгу, написанную советским писателем Полевым. Там описывалась настоящая история. Прочел ее муж, вижу, призадумался. Успокоился, как будто душа у него уж не так болит. Потом говорит мне, что повесть о Мересьеве принесла ему облегчение. Человек должен быть твердым при всяких обстоятельствах».

Хорошо сказал, беседуя с рабочими, заведующий культурно-просветительной работой на одном из заводов в городе Сталин: «Хотя советские люди и далеко, но они живут среди нас в образах Давыдова и Павла Корчагина, Олега Кошевого, Воропаева и многих других, они живут в наших сердцах, зовут нас следовать их примеру, быть похожими на них».

Советская литература оказывает нам помощь в строительстве социализма. Она служит примером и для румынских писателей. Все самое ценное, созданное нашими писателями, обязано благотворному влиянию советской литературы.

Пусть о популярности советских книг в нашей стране свидетельствуют цифры: за последние 10 лет на румынский язык и языки национальных меньшинств было переведено 1.900 названий произведений русской классической и советской литературы общим тиражом свыше 25 миллионов экземпляров.

Произведения великого Горького изданы тиражом в 600 тысяч экземпляров. «Поднятая целина» М. Шолохова переиздавалась шесть раз. В шести изданиях вышла и книга Н. Островского «Как закалялась сталь».

В сверкающих витринах бухарестских книжных магазинов ежедневно появляются новые советские книги. Они рассказывают нам о героической борьбе советского народа — строителя коммунизма.

Шюто АНДРАШ, писатель

БУХАРЕСТ, 2 февраля. (По телеграфу)

БОЛЬШОЙ И ПРЕКРАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК

К 70-летию со дня рождения М. В. Фрунзе

Человеком просторного и прекрасного сердца, большого участия к человеческой жизни назвал Михаила Васильевича Фрунзе писатель Дм. Фурманов. Таким Фрунзе знали все, кому приходилось встречаться с ним.

Михаил Васильевич Фрунзе принадлежал к той славной плеяде замечательных людей нашего времени, на примере которых воспитывались и будут воспитываться многие поколения советских людей. Это был один из профессиональных революционеров, которые составили гвардию великого Ленина, — ядро большевистской партии, сумевшей повести в бой миллионы трудящихся.

С юных лет посвятив себя революционной борьбе, партийной работе, Фрунзе прошел суровый путь большевика-подпольщика. В одной из своих анкет он сообщал:

«...Специальность — столярное дело и военное;
В тюрьме — 11 месяцев;
На каторге — 7 лет и 9 месяцев;
В ссылке — 1 год».

Ни каторга, ни ссылка, ни два приговора к смертной казни — ничто не могло сломить могучий дух революционера. Преследуемый полицией, Фрунзе уезжает в Шую и здесь ведет активную партийную работу. Талантливый организатор и блестящий оратор, он становится подлинным вождем иваново-вознесенских рабочих, руководит их знаменитой стачкой в 1905 году.

В декабре 1905 года, в дни вооруженного восстания в Москве, Михаил Васильевич с группой шуйских дружинников приходит на помощь московским рабочим и вместе с ними участвует в баррикадных боях.

В сибирской ссылке Фрунзе готовит себя и своих товарищей к новым революционным боям: он создает среди ссыльных кружок военного дела, носивший название «Военная академия».

Побег из ссылки и активная революционная работа в армии, в Белоруссии, затем — вновь в родной Шуе. В дни Великого Октября Фрунзе во главе двухтысячного вооруженного отряда шуйских и иваново-вознесенских рабочих ведет уличные бои с контрреволюционерами в Москве.

Человек выдающегося организаторского и военного дарования, Михаил Васильевич в годы гражданской войны становится одним из крупнейших полководцев нового типа.

Партия не раз посылала Фрунзе на самые важные и опасные участки борьбы с интервентами и белогвардейцами, и он, верный сын партии, всегда оправдывал ее доверие.

С именем Фрунзе связаны славные победы над Колчаком, над американскими и английскими интервентами, белогвардейцами и бандами басмачей в Туркестане, разгром войск «черного барона» Врангеля в Северной Таврии и в Крыму.

Если разгром Колчака можно считать началом полководческой славы Фрунзе, то разгром Врангеля, на которого возлагали свои надежды англо-американские интервенты, составляет вершину военного таланта Фрунзе. Штурм Перекопа, считавшегося неприступной твердыней, форсирование Гнилого моря были одной из самых славных побед нашей армии в годы гражданской войны. Фрунзе писал по этому поводу, что «революционный порыв оказался сильнее соединенных усилий природы, техники и смертоносного огня».

Ясный ум, глубокая вера в творческие силы народа, огромный опыт революционной борьбы, способность быстро и правильно разобраться в сложной обстановке, великолепное знание марксистско-ленинской теории, а также знание военной истории, блестящий полководческий талант снискали Фрунзе всенародную любовь и уважение.

Этот человек с добрыми голубыми глазами, мягким ежиком волос, русыми пушистыми усами, скромный, отзывчивый, подлинно народный герой, был любимцем красноармейцев. Он не раз в наиболее трудные моменты боя появлялся среди них, ободряя и вдохновляя.

Под Уфой «в крупном отчаянном... бою,— вспоминает Дм. Фурманов,— когда наши части одно время дрогнули и когда Фрунзе узнал, что на том берегу неладно, он переезжает туда, вплотную подъезжает к Иваново-Вознесенскому полку, и вдруг по цепи радостный, восторженный крик: «Фрунзе с нами! Фрунзе в цепи!». И в самую решительную минуту, когда не хватило патронов у солдат, когда надо было вырвать инициативу у противника—кинулись красноармейцы, сбили атаку, погнали врага, спасли положение».

После гражданской войны партия поручает Фрунзе работу по перестройке и укреплению армии и флота. Под его руководством были проведены крупные реформы в армии, в результате которых была значительно усилена оборона страны.

Военное искусство Фрунзе, его теоретические труды, разработанные им положения военной доктрины являются крупным вкладом в советскую военную науку.

Бесстрашный революционер, стойкий и последовательный большевик-ленинец, Фрунзе не боялся никаких трудностей на пути к цели, был непримирим к врагам.

Фрунзе был человеком разнообразных богатейших дарований. Ведя большую государственную, партийную работу, поглощенный строительством армии и флота, он находил время глубоко вникать в различные стороны хозяйственной и культурной жизни страны.

Наши писатели старшего поколения знают Фрунзе как большого знатока русской литературы. По рассказам товарищей, он любил классическую литературу, особенно Чехова, которого читал и на фронте.

Фрунзе внимательно следил за развитием литературной жизни в стране, хорошо понимал роль художественной литературы в деле воспитания масс. На заседании комиссии ЦК партии по вопросам литературы 3 марта 1925 года Фрунзе выступил с яркой и содержательной речью. Отмечая огромное политическое значение литературы, Фрунзе раскрыл вред кружковщины и групповой борьбы, практиковавшейся «напостовцами» и Воронским, резко осудил также формализм, в частности его проводника — «Леф». Ошибка этого направления, сказал тогда Фрунзе, заключается в том, что им чрезмерно выдвигается на первый план форма, содержание же отодвигается назад. Он отмечал необходимость «ввести форму в соответствие с содержанием. Это и будет венцом наших достижений».

Критикуя рапповцев, Михаил Васильевич заявил, что они занимают позицию политически вредную и опасную, претендуя на гегемонию и пытаясь вытеснить из литературы так называемых «попутчиков». Трескучую декларацию представителей «Кузницы», заявлявших, что им нечему учиться у старых мастеров и «попутчиков», Фрунзе расценил как выражение самого настоящего комчванства.

Верный сын партии, любимец народа и армии, Фрунзе умер сорока лет, в расцвете творческих сил и таланта. Вся его героическая жизнь — высокий пример служения народу, делу коммунизма.

Проходят годы и десятилетия, но имя Михаила Васильевича Фрунзе не забывается. С глубокой благодарностью и любовью поминают советские люди имя Фрунзе, одного из самых честных и бесстрашных революционеров нашего времени, выдающегося деятеля партии, талантливого полководца, отдавшего все свои силы строительству Советского государства, нашей армии.

„ДОНБАСС“

К. ОЗЕРОВА

В критических статьях о поэзии последнего времени большое место заняла проблема **личности** поэта, многообразно запечатленная в его стихах. Справедливо напоминалось, что поэт-лирик может действенно влиять на читателя тогда, когда его стихи не являются выражением абстрактной, «среднестатистической» человеческой души, а окрашены яркой и своеобразной индивидуальностью поэта. Ведь если это подлинный поэт,— его душа открыта всему, чем живет народ, общество.

Однако дискуссия на эту тему не переходила за границы лирики. А жаль. Ведь никакое истинно художественное произведение — будь то небольшой очерк или многотомный роман — нельзя себе представить, не вызвав сразу в памяти образ его создателя, запечатлевшийся во всем строе книги — и в том, о чем написана эта книга, и в том, как она написана, в ее тональности, интонации и т. д.

К сожалению, эта общеизвестная истина в последнее время как-то забылась у нас, исчезла из критического обихода. Может быть, именно поэтому часто можно наблюдать странное явление: две или три книжки, написанные одним и тем же писателем за сравнительно небольшой срок, оказываются настолько разными по стилю, по манере, что невольно начинаешь думать: если стиль—это человек, то в какой же из этих книг писатель был самим собой?

О Б. Горбатове можно сказать, что всегда, во всех своих вещах он оставался самим собою.

Конечно, книги его, написанные на протяжении более чем тридцати лет, не похожи одна на другую, и в «Донбассе», например, не найдешь никаких аналогий, повторов, совпадений с «Обыкновенной Арктикой». Но, тем не менее, и «Обыкновенная Арктика», и «Письма товарищу», и «Непокоренные», и «Донбасс» — все эти вещи окрашены единой, неповторимой и своеобразной индивидуальностью автора.

Она — и в открытом, радостном восхищении новым, советским человеком, восхищении, которое никогда не закрывало Горбатову глаза на все дурное, мешающее этому человеку; она — в жадном внимании к **живой жизни**, к ее бесконечному многообразию, в стремлении все изучить самому, посмотреть своими глазами, потрогать своими руками; она — в сильной, прямой и страстной лирико-публицистической интонации произведений, в яркости, «броскости» красок, в определенности характеров, при всей сложности их рисунка.

Первая книга романа «Донбасс» покоряла именно этой страстностью, взволнованностью автора, которая не помешала ему нарисовать строго реалистически, без малейшей фальши и идеализации, жизнь «угольного края» в 30-е годы, историю зарождения в нем стахановского движения, выписать четкие характеры двух замечательных ребят — Виктора Абросимова и Андрея Воронько. Они же, эти ребята, должны были стать в центре второй книги.

Опубликованные в «Новом мире» главы из этой книги, работа над которой была оборвана смертью писателя, конечно, не дают представления о том, как выглядел бы роман в законченном виде. Мы не знаем — и никогда не узнаем — всех тех сложных испытаний, через которые прошли бы его герои в военное и послевоенное время, до которого Б. Горбатов, судя по наброскам, думал довести роман. И несмотря на все это, те 14 глав, которые напечатаны в «Новом мире» за прошлый год, необыкновенно интересны. Они свидетельствуют о новой, более высокой ступени, на которую поднялось мастерство писателя даже по сравнению с первой книгой «Донбасса».

Если пересказать в общих словах содержание первых глав второй книги, то получится довольно знакомая схема: на N-ском предприятии руководитель — талантливый, но честолюбивый человек — зазнался, оторвался от массы, от коллектива, допустил крупные ошибки, и умный, все понимающий секретарь горкома партии начинает «вправлять ему мозги».

В скольких романах, повестях, даже рассказах встречались мы с подобной ситуацией! И как далеко, в сущности, от этой схемы то, что происходит у Горбатова.

И далеко это прежде всего потому, что здесь действуют интересные и самобытные характеры, увиденные в жизни, а не созданные по литературным канонам.

Вот перед нами наш старый знакомый Виктор Абросимов. Бывший бегленок с шахты, а потом один из зачинателей новой, революционной организации труда в забое, горячий, страстный, нетерпеливый парень, теперь возникает перед нами в качестве крупного деятеля, управляющего трестом, в который входит и его родная шахта «Крутая Мария». Как-то проявит себя теперь Виктор? И удастся ли ему на смену былой шахтерской славы получить новую — славу инженера, руководителя?

Виктор приезжает в родной край с самыми лучшими намерениями, с мечтами о великих делах, о переоборудовании шахт, механизации их.

Он хорошо начал на своем новом посту: не командовал, не поучал, а «...все спрашивал, спрашивал, доискиваясь правды и пытаясь в ней сам разобраться». И на первом совещании заведующих шахтами он намечает правильный путь вывода треста из прорыва: наведение элементарного, но обязательного порядка. Правда, чтобы сделать все это, требуется время — и немалое.

И вот тут-то Виктор сорвался. Он вдруг ужаснулся тому, как много, как мучительно много времени надо на то, чтобы наладить работу, а тут еще в газете упомянули его фамилию среди отстающих. И вот все его мечты о механизации, о «непрерывном потоке», о цикличности отходят на второй план. «Дать добычь» сегодня, сейчас — вот теперь единственная его цель. И во имя этого Виктор идет на незаконное дело, на «маневр», хитро подсказанный ему мелким пакостником Посвитным, приостановив, почти вовсе прекратив подготовительные работы на отдельных шахтах. Любому горняку такое «мероприятие» покажется чудовищным, ибо это означает хищническое отношение к шахте, к выполнению плана не за день, а за месяц, за год.

Во всей истории этого «срыва», при всей его неожиданности, нет ничего произвольного, нарочитого. Его возможность заложена в характере Виктора. Его энтузиазм без самоконтроля и критики переродился в ненужную горячность, нетерпение; стремление к подвигам, к славным делам — в жажду славы и притом скорой; честолюбие, не умеряемое трезвым взглядом на себя, привело к переоценке собственной личности. «Я один за все в ответе»— кажется ему. Он забывает, что великое право чувствовать себя в ответе за общее дело нельзя отнять у советского человека, какой бы малый пост он ни занимал.

Теперь Виктор ищет победу не **вместе** с людьми, а в одиночку, о людях он, собственно, уже не думает, оперируя только цифрами, сводками, рапортичками.

Ценой непрерывных штурмов Виктор добивается долгожданного успеха. Трест весь целиком впервые за долгое время дает 100 процентов суточного плана, и какой-то чересчур быстрый газетчик помещает статью о «крутом переломе» в работе треста под руководством нового управляющего.

Мы расстаемся с Виктором, казалось бы, в момент его наивысшего успеха, но, по существу, в минуту глубокого внутреннего поражения.

Живой, полный смелых замыслов, стосковавшийся «по веселому трудовому общению с людьми», Виктор к концу повествования становится совсем иным.

Ослепленный идеей «маневра», он лишается именно этого «веселого трудового общения», «отпадает» от людей, одного за другим теряет лучших товарищей, помощников, отказывающихся идти за ним, на его сомнительные комбинации.

И вот что особенно важно: сталкиваясь с прямой естественной реакцией честных людей на свои предложения, Виктор чувствует себя неловко, стесненно, он боится этих людей. Страх, неуверенность в себе, **одиночество** живут теперь в его душе. В конце опубликованных глав Виктор порывает и с Андреем, теперь секретарем горкома партии, пытающимся его образумить.

Есть одна выразительная деталь в последнем разговоре Виктора и Андрея.

«Пчела, обезумев, металась по кабине, встревоженно и тоненько жужжа. Она заблудилась, потерялась в этом незнакомом мире. То кидалась вверх, в простор, в небо — небом оказывалась крыша кабины; то, спасаясь, бросалась к знакомой земле, к цветам и травам — землей оказалась подушка сиденья... С помятыми крылышками и совсем одурев, металась она, не находя выхода...».

Эта деталь многозначительна. Здесь и реалистическая примета жаркого, знойного лета, когда всюду в природе «какая-то злая исступленная тоска по влаге», это и черточка, показывающая отношение Виктора к словам Андрея («...все, что он говорил, было справедливо и... нудно, как жужжание пчелы»), но в еще большей степени это символическое выражение состояния самого Виктора, его смятенной, озлобленной, испуганной и ослепленной души.

Такое моральное поражение «изнутри» во много раз сильнее любого административного наказания, хотя и оно, конечно, не минет Абросимова. Честность и стойкость простых рядовых людей противостоят всем попыткам встать над массами, третировать их. Б. Горбатов хорошо показал, как глубоко закономерно это поражение, как оно обусловлено всем строем нашей жизни. В этом большая внутренняя демократичность его произведения.

Но сурово разоблачая и развенчивая индивидуалистические ошибки Виктора, Горбатов в то же время не сводит весь его характер к этим ошибкам. В отличие от многих литераторов, которые, показывая, как их герои заблуждаются, не умеют понять, откуда же пошло заблуждение, а живописуя это заблуждение, уже ничего, кроме него, не видят, Б. Горбатов рисует натуру сложную, неуравновешенную, но глубоко **цельную.** И в самые горькие часы героя в нем есть то, что позволяет продолжать любить Виктора, верить в то, что он придет к **подлинному** успеху и к **подлинной** славе. Его талант, ум, страстность и искренность натуры, прекрасное знание дела, горячая приверженность к этому делу, отсутствие какой бы то ни было корысти — все это залог развития этого образа в будущем.

Семь начальников шахт, которыми руководит теперь Виктор, — это семь разных человек. И Горбатов делает семь (вернее, шесть, потому что один из них— Шумилов — еще не вошел по-настоящему в повествование) исследований человеческих характеров — своеобразных психологических, нравственных и политических этюдов.

Глубоко изучены, например, причины провокационного поведения Посвитного. Нет, это не традиционный вредитель, скрывающий свою принадлежность в прошлом к высшим сферам. Посвитный «белой костью не был: дед его еще пахал землю».

Революция его не потрепала, но и не подняла. Честолюбец и завистник, он изо всех сил продирался вперед, но отсутствие таланта или хотя бы большого производственного опыта не дает ему возможности продвинуться. Он становится неудачником, брюзжащим на всех и на все.

Он один из всех за молодостью и горячностью нового управляющего разглядел его нетерпение, «тоскливую жажду скорой славы» и начал с ним сложную психологическую игру. Сначала «он и сам еще не знал, что за корысть ему, Ивану Посвитному, в этом душевном переполохе, но уже наслаждался им...» — замечательный художественный штрих, еще и еще раз отделяющий образ Посвитного от стандартных театральных злодеев, — и лишь потом перед ним вырисовывается возможность: совсем закружить, опутать Виктора, стать необходимым ему и добиться этим удовлетворения своих планов.

И как тонко и точно все соразмерено в этом образе: и его внешний облик (какой-то «старорежимный» вид — седые усики торчком, прическа ежиком, очки в старинной металлической оправе, привычка ехидно потирать сухие ладошки), и обстановка его квартиры («не было ни гардин на окнах, ни ковров на полу,.. ни горшка с геранью на подоконнике, ни безделушек — ничего, что обычно придает дому вид человеческого жилья, а не случайного привала. Только тяжелые сундуки да чемоданы — очень много чемоданов! — громоздились вдоль голых стен. Хозяева давно уже собрались в дорогу, — кареты не было!»), и манера поведения. Все в этом поведении— маскировка, мимикрия человека, стремящегося скрыть свое истинное лицо. Он то радостно «соглашается» с критикой, то мелко подхалимствует, то выступает, как лукавый соблазнитель, проповедник из секты «ловцы человеков».

Время, воспитание, вкус, среда, потаенные закоулки характера — все прослежено в этом маленьком человечке, хотя места ему уделено едва ли больше десяти страниц и он далеко не центральный персонаж.

Так же как из всего характера Посвитного естественно вытекает его роль в падении Виктора, так же подробно прослежены причины поведения других начальников шахт.

Вот Горовой — старый донецкий шахтер, выдвинутый на заведывание шахтой из забойщиков, отлично знающий дело, знающий и любящий людей, вошедший «в свою раннюю серебряную старость... так же спокойно, уверенно и осанисто, как и всегда жил: высоко подняв красивую седую голову, ни перед кем не сгибаясь и никому не кланяясь»,— Горовой не мог не оскорбиться предложением Виктора. Оскорбился тем сильнее, что он поверил в молодого начальника. Горячая речь, умные и дельные предложения на первом совещании встряхнули старика, словно вдохнули в него молодость, овеяли «счастливым ветром всеобщего радостного ожесточения».

И почему не пошли за Виктором Светличный и Ангелов, и отчего поддержал его молодой Беловежа, а Голубев не занял никакой определенной позиции, — все это становится понятным, когда знакомишься с короткими, но точными, продуманными и глубоко обоснованными характеристиками этих персонажей.

В первых главах, начинающих вторую книгу «Донбасса», многое, естественно, только намечено, многое, вероятно, еще оттачивалось бы, шлифовалось. Думается, например, кое-что изменил бы писатель в том, как показана Даша, ставшая женой Виктора. Есть в описании ее отношения к мужу оттенок дешевой красивости.

Но эти четырнадцать глав обозначили абрис произведения яркого, глубокого, умного, во многом поучительного. Вот почему они останутся жить в литературе, несмотря на то, что книга никогда не будет закончена автором.

Александр ОЙСЛЕНДЕР

НАПОМИНАНИЕ

Стоит, как прежде, Пушкин.
Как мечтал
стоять века,
не подчиняясь тлению,
Тяжелый
передвинув пьедестал
Поближе к центру,
шуму и движению.
Уходит Горький
бронзой в облака,
Дыша весной
строительства
московского.
И только Маяковского
пока
на площади не видно
Маяковского.
А почему, товарищи?
В какой
Поныне
он не отлит мастерской?
Умения, быть может,
не хватило
У мастеров
хваленого резца,
Чтоб передать
и шаг его, и силу,
и выраженье
крупного лица?
Где б ни был,
в Чебоксарах
иль в Париже,
Не расставаясь
с лучшею мечтой,
Он жизнь прошел
не понизу, где тише,
А верхолазом,
в дружбе с высотой.
И вот его,
чья слава
облетает
Уж не Москву,
не СССР,—
весь свет,—
На площади
Нам явно не хватает.
Пора учесть,
Товарищ Моссовет!

Б. Горбатов. «Донбасс». Из второй книги романа. «Новый мир», №№ 7 и 12 за 1954 г.

НА ТЕМЫ ВОСПИТАНИЯ

Разговор продолжается...

Ф. ВИГДОРОВА

Много лет назад в 42-й московской школе заболела классная руководительница 4-го класса Анна Ивановна Тихомирова. Она не приходила в школу несколько дней, и случилось так, что ее некем было заменить. Но Анна Ивановна присылала задания, Ваня Нахров, председатель класса (тогда так назывался классный организатор) писал их на доске, а ученики выполняли: решали примеры, задачи, читали учебники. И человек, проходивший в это время по коридору, никогда бы не подумал, что за дверью класса нет учителя, — такая тишина стояла там.

Что же, все эти дети были уж так идеально тихи и послушны? Нет, были среди них и озорники, и драчуны, было им по 11—12 лет, и они обладали всеми недостатками этого непокорного возраста. Но они любили свою учительницу. И мысль о том, что она вернется после болезни в школу и ей станут жаловаться на них, была ее ученикам непереносима.

Я вспомнила этот давний случай, когда прочитала статью Евгения Рысса «Происшествие в шестом классе»*. Да, такое происшествие было бы у тех четвероклассников невозможным: они привыкли уважать свою учительницу, со словом «учитель» было для них связано все самое доброе, светлое, справедливое. И — не знаю причину, но ясно: существовал разрыв между учителем и шестым классом, если в этом классе оказалось возможным такое происшествие.

Вопрос, поставленный в статье, вызвал широкий интерес, многочисленные письма в редакцию, горячие споры. Все это естественно и закономерно — потому, во-первых, что вопросы воспитания волнуют, интересуют советских людей, и потому, во-вторых, что педагогическая наука не дает еще ответов на многие из этих вопросов.

Редакция «Литературной газеты» познакомила меня с письмами читателей, откликнувшихся на статью Е. Рысса, и мне хочется продолжить разговор, начатый им. Это тем более необходимо, что в статье Е. Рысса есть вещи, с которыми я не согласна, но есть и немало правильного или же такого, что заставляет задумываться, будит мысль. И это хорошо — вообще нам надо шире и свободнее **обсуждать** вопросы воспитания.

В том классе, о котором рассказал Е. Рысс, ребята проявили глубокое неуважение к учителю, и, конечно, случай этот объясняется не только шалостью, бездумьем, стихией. В нем сказалось оскорбительное отношение к учительскому труду, и многие читатели в своих письмах говорят о том, что писатель, рассказывая о поступке ребят, должен был найти более суровые и гневные слова. «Пора, наконец, научить наших детей ценить чужой труд, тяжелый труд взрослых людей»,—пишет в письме в редакцию артист Всесоюзного радио С. Хватов.

Е. Рысс неправ, считая неплохим коллектив, где случилось описанное им происшествие, и мягко оценивая хулиганский поступок школьников. Ошибка статьи в том, что автор не нашел достаточно страстных и горячих слов для осуждения возмутительного поведения учеников. Поэтому сместились акценты в статье, поэтому создалось впечатление, что, осуждая педагогов, автор оправдывает учеников шестого класса.

Школьники вели себя безобразно и должны были быть строго наказаны. Жаль, что автор сказал об этом недостаточно ясно. Эти и некоторые другие недостатки и ошибки в его статье есть. Но нельзя за ними упускать из виду то, что составляет пафос статьи Е. Рысса, — разговор о методах обращения с классом, о морально-этической стороне дела. А об этом в статье сказано интересно и, по-моему, в общем верно. Статья дает повод для размышлений, которыми хочется поделиться.

Ребята в 13 лет прекрасно понимают, что хорошо, а что плохо. Они уже должны отвечать за свои поступки. И если учесть, что сейчас учителю особенно трудно работать во вновь созданных классах с ребятами, собранными из трех, четырех, а то и больше школ, следовало, конечно, более сурово сказать о классе, где ни пионеры, ни классный организатор (ни один человек!) не нашли слов, действий, которые остановили бы нелепую и, что уж тут говорить, хулиганскую выходку. Все это так. Однако в споре с автором не нужно приписывать ему то, чего он не говорил, не думал и думать не мог.

В своем письме, напечатанном в «Учительской газете», преподаватели 545-й школы Н. Катериночкин, А. Казанская и другие пишут: «Развенчивая» учителей и умиляясь перед «шутками» мальчиков и девочек шестого класса, он (автор.—**Ф. В.**) объективно поощряет хулиганов в школе и бьет по рукам тех, кто делает трудное дело, кто по природе самого дела нуждается в общественной поддержке».

Но где же в своей статье Е. Рысс «умиляется» поступком шестиклассников? Он пишет: «Грубое нарушение дисциплины в шестом классе, конечно, никак и ничем нельзя оправдать»,— какие из этих слов содержат в себе оттенок умиления?

Авторы письма в «Учительскую газету» правы, когда говорят: «Если бы в классе, в отряде было чувство коллективности, подобный поступок был бы невозможен... Действовать коллективно — это действовать целенаправленно, организованно, а не скопом, не толпой. Видеть в беспорядочном поступке «шестого класса» какую-то коллективность можно лишь в том случае, если ничего не понимать ни в педагогике, ни в системе советских общественных отношений».

Кто же с этим спорит? И когда Е. Рысс говорит о создании коллектива в «шестом классе», он имеет в виду не безобразную историю с запертой дверью, а волнение, охватившее ребят, когда они узнали, что Галя исчезла, — больная Галя, у которой тяжело, трудно в семье. Что плохо — то плохо. Что человечно — то человечно. Разбирая чрезвычайное происшествие в шестом классе, автор статьи должен был сказать и сказал обо всех обстоятельствах дела. И, конечно, очень скверно, что у ребят, которые заботились и тревожились о своей подруге, не хватило ума и сердца, чтобы понять, как глубоко, как возмутительно они обидели и оскорбили своих учителей.

Двух мнений тут быть не может: в статье Е. Рысса нет ни умиления перед совершившимся, ни желания обелить ребят, оправдать их поступок.

Но ведь не менее важно другое: как должны были затем поступить учителя? Вот об этом мне и хочется высказать несколько соображений.

***

«Уважаемый товарищ Рысс! Мы прочитали вашу статью «Происшествие в шестом классе». Мы полностью с вами согласны, что учителя в данном случае поступили неправильно. Но такой или подобный случай может встретиться и в нашей будущей учебной работе. В статье вы говорите, что надо воспитать советского человека, коллективиста. Все это, конечно, правильно. Но ведь происшествие, о котором вы рассказываете, нельзя оставить без последствий. Как же учителю поступить в данном случае?»

Так пишут в редакцию студенты-выпускники Рязанского педагогического института А. Воробьев и Г. Сокальская.

Учительница моего детства, если случалось в классе озорство, спрашивала:

— Кто это сделал?

Если никто не сознавался, она прямыми и беспощадными словами, не скрывая своего презрения, говорила о том, что провинившийся—не только озорник, но и трус. И мы твердо знали: сознался—полвины долой. Криводушничаешь, прячешься, молчишь — будешь наказан в полную меру.

Случалось, кто-нибудь вставал и прямо, при всех говорил:

— Если ты не сознаёшься, не хочу, чтоб подозревали другого, не виноватого. Это сделал ты!

И никому не приходило в голову счесть это наушничеством. Все понимали: если прошептал на ухо, так, чтобы никто не видел и не слышал, значит, ябедник. Сказал прямо, при всех — честно поступил, так и следует.

Теперь представим себе, что на вопрос заведующей учебной частью: «Скажи, кто зачинщик?», — один из шестиклассников ответил бы: «Коля, Галя, Витя». Разве не правы были бы остальные, спросив: «А ты сам?»

Ведь в классе не было ни одного — ни одного! — кто воспротивился бы безобразной выходке, кто сказал бы первому, закрывшему дверь: «Открой!» — или попытался открыть сам и потому вправе был бы потом указать на другого.

Представим, наконец, что тот, кто повесил стул на ручку двери, встал и сказал бы: «Это сделал я!»

Верно ли было бы наказать его одного? Нет, неверно! В глазах ребят он превратился бы в невинно пострадавшего, потому что каждый, в ком есть совесть, понимал: и я виноват!

«Заводилы», конечно, в этом классе были. И они были бы единственно виноватыми, если бы остальные стали удерживать их от озорства или удержались бы сами. Но в этом шестом классе пионеры забыли, что они пионеры, классный организатор забыл, что он отвечает за класс, а дежурные, видимо, привыкли думать, что их единственная обязанность — приготовить мел и тряпку, а такие «мелочи», как дисциплина и порядок,— не их дело. За теми, кто начал, сразу и охотно пошли **все**, виноваты оказались **все.** И в данном конкретном случае, когда озорничали **все**, обвинить и наказать одних заводил — значит внушить остальным чувство безответственности. Это значит внушить ребятам, что они могут подхватить любую скверную затею, пойти на поводу у любого хулигана — и притом остаться безнаказанными: стоит выдать «зачинщиков» — и сам вышел сухим из воды! Что может быть безнравственнее!

Да, можно и нужно было выяснить, кто же все-таки начал, кто затеял, но «выявлять зачинщиков» надо было не тайно, не по секрету. Единственно правильным было бы так обратиться к ребятам, чтобы те сами осудили заводил, чтобы заводилы сами (пусть не сразу, не в первую минуту, а подумав и одумавшись) назвали себя. Ошибка педагогов в данном происшествии (ошибка, которая справедливо осуждена в статье Е. Рысса) заключается в том, что они, добиваясь цели—«раскрыть зачинщиков», шли на любые средства, в том числе на безнравственные, антипедагогические: поощрение наушничества, то есть поощрение и воспитание трусости и подлости.

Группа учителей пишет в «Учительской газете»: «Если в реакционно-буржуазной школе прогрессивно настроенные учащиеся имеют законное основание в известных случаях не выдавать товарища, то в советской школе нет таких оснований. Мы воспитываем у наших учащихся гражданское мужество, мужественное признание своих ошибок, самокритику в детском коллективе».

Непонятно, как можно, произнося слово «выдавать», вкладывать в это понятие положительный, даже высокий смысл? Сказать по секрету фамилию виноватого — что тут общего с гражданским мужеством, с мужественным признанием своих ошибок? Неужели мальчик, по секрету назвавший фамилии зачинщиков, поступил смело и мужественно?

Думать так — значит согласиться с И. Лавровым из Ярославля, написавшим в «Литературную газету»:

«Мальчик, которого Е. Рысс называет сплетником и болтуном, и есть тот, кого мы стремимся воспитать,— человек прямой, честный и мужественный. Он рассказал учителю прямо, честно и мужественно, пренебрег даже угрозами. Этого мальчика надо не предать, не убить в нем в зародыше эти дорогие ростки, а всячески педагогически способствовать тому, чтобы они дали пышный рост и заглушили бы собой дурную поросль».

Что же автор письма называет дорогими ростками, что советует растить и лелеять? Отсутствие мужества для того, чтобы сказать вслух то, что думаешь? Тайное нашептывание? Да разве это соответствует нашей советской нравственности, коммунистической морали? Критика и самокритика — закон нашего общества, но можно ли назвать самокритикой, скажем, анонимку?

Советская школа не то понимает под прямотой, мужеством и честью. Человеческая доблесть — в открытом слове, а не в слове с оглядкой, по секрету, как бы кто не узнал!

Учитель А. Бек, откликаясь на статью Е. Рысса, с некоторым укором пишет в

* См. «Литературную газету» от 13 января 1955 года.

В ПИСАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Приветствие А. Первенцеву. Исполнилось пятьдесят лет писателю Аркадию Алексеевичу Первенцеву. Правление Союза писателей СССР в своем приветствии юбиляру отмечает, что он создал ряд произведений, любимых народом.

Горячее признание советских читателей получил роман «Кочубей», воскресивший славные годы гражданской войны. Одной из любимых книг нашей молодежи явилась «Честь смолоду», посвященная незабываемым дням Великой Отечественной войны.

Далее в приветствии говорится о плодотворной деятельности А. Первенцева в области драматургии и кинодраматургии. Пьеса «Третий удар», посвященная бессмертному подвигу советских воинов, в течение ряда лет идет на сценах театров. Сценарий, написанный А. Первенцевым для фильма «Герои Шипки», помог деятелям советской и болгарской кинематографии создать правдивый, волнующий рассказ о борьбе русских солдат и болгарских ополченцев за освобождение Болгарии от турецкого ига. Правление Союза писателей пожелало юбиляру новых больших творческих успехов в его литературной деятельности.

Совещание редакторов. Секретариатом правления Союза писателей СССР принято решение о созыве в Москве совещания редакторов литературно-художественных журналов, издающихся в союзных республиках. Совещание обсудит работу журналов в связи с задачами, поставленными в приветствии ЦК КПСС Второму съезду писателей, и решениями съезда.

Журнал «Киргизстан». Альманах «Киргизстан», издающийся в гор. Фрунзе, реорганизован в двухмесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. Он будет знакомить читателей с новыми произведениями русских писателей, живущих в Киргизии, а также с переводами наиболее интересных произведений киргизских писателей. На состоявшемся недавно собрании русской секции Союза писателей Киргизии был обсужден план работы редколлегии нового журнала.

Выборы бюро секций. Недавно были проведены отчетно-выборные собрания всех творческих секций писательской организации Грузии. Бюро секций возглавляют: поэзии — Г. Табидзе, прозы — К. Лордкипанидзе, драматургии — М. Мревлишвили, переводчиков — Ш. Абхаидзе.

Редколлегии новых журналов. Секретариат правления Союза писателей СССР утвердил редакционные коллегии новых литературно-художественных журналов «Нева» и «Дружба народов».

В составе редколлегии журнала «Нева» (Ленинград): А. Черненко (главный редактор), Э. Грин, С. Кара, В. Кочетов (зам. главного редактора), Б. Мейлах, С. Орлов, М. Слонимский и М. Смирнов (зам. главного редактора). В редколлегию журнала «Дружба народов» вошли: В. Гольцев (главный редактор), П. Антокольский, Н. Бажан, П. Бровка, С. Вургун, Р. Гамзатов, Ф. Гладков, С. Евгенов, Н. Зарьян, А. Зуев, Г. Корабельников (зам. главного редактора), К. Корсакас, Г. Ломидзе, П. Скосырев, М. Турсун-заде.

Творческие отчеты. В Кара-Калпакском педагогическом институте состоялся вечер встречи делегатов Второго съезда писателей с общественностью города. На вечере выступил старейший поэт республики Асан Бегимов. Сообщение о пребывании в Москве местной писательской делегации сделал председатель правления Союза писателей Кара-Калпакской АССР Х. Сеитов. Участники съезда выезжают в колхозы и МТС.

Опера «К новому берегу». Композитор М. Заринь закончил работу над оперой «К новому берегу» на сюжет одноименного романа В. Лациса. Либретто оперы написано Ф. Рокпелнисом. Государственный театр оперы и балета Латвийской ССР работает над новой оперой.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Приношу глубокую благодарность всем товарищам и организациям, поздравившим меня с 70-летием со дня рождения и правительственной наградой.

В. БИЛЛЬ-БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ

Всесоюзная художественная выставка. Картина Ю. Непринцева «Наша взяла»

Рассказ о песне

Вы включили радиоприемник. Знакомый голос. Знакомые интонации. Нет, это не лектор. И если оратор, то очень своеобразный. Одну фразу он произносит просто, другую — слегка нараспев, подчеркивая этим ее особый смысл. Вот он немного запинается. Это он подыскивает нужное слово.

Затем речь льется плавно, но это не легкое скольжение по утрамбованной дорожке. Он опять чуть-чуть спотыкается, повторяет два-три раза фразу. Потому что волнуется, все больше и больше волнуется. А волнуется он потому, что говорит о том, что любит: об искусстве, о песнях, о дружбе, о мире. Он говорит о Франции, о певце Франции — об Ив Монтане. Сергей Образцов — а это он — делится с нами своими впечатлениями о поездке в Париж.

Впечатлений много. Много интересных встреч. И даже споров. Образцову пришлось спорить с одним французским актером, который ратовал за «искусство для искусства», за пьесы и песни без темы.

— И вот после этих разговоров,— рассказывает Образцов,— я оказался на концерте Ив Монтана, и я был счастлив, потому что увидел, что я прав, а не тот самый человек, который уверял меня, что не нужно темы. Весь концерт Монтана был с темой, не было ни одной песенки, ни одного романса дурного, пошлого, бестемного, скабрезного, все это было по-настоящему с темой, все это было прогрессивно...

«Кто это — Ив Монтан?» — думают слушатели. И Образцов знакомит их не только с биографией певца. («Ив Монтан — сын сезонного рабочего, ученик парикмахера, затем работал на фабриках Марселя, в доках Марселя, был посыльным, был молотобойцем... И теперь это один из лучших певцов Франции, певец народных песен»).

— Мне хочется сейчас показать несколько его песен...

Образцов так и говорит: показать. Да, он показывает эти песни. Он сделал для нас большое дело. Он привез с собой пластинки с песнями Ив Монтана. Он привез весь его концерт.

Сейчас вы услышите не только легкий, мелодичный голос Ив Монтана. Сейчас вы поймете особую манеру его исполнения. Сейчас вы поймете его песни, почувствуете их. Предположим, вы не знаете французского языка. Не смущайтесь этим — вам все будет понятно. Образцов переведет... Нет, не то слово.., Он расскажет вам каждую песню. Образцов раскрывает каждую строчку песни, передавая ее колорит, ее краски, ее ритм. Вот песенка о шоферах.

— Вы услышите сейчас, как быстро, быстро, быстро едет машина. Перед шофером впереди длинная лента, это — шоссе; она разматывается, разматывается, разматывается, эта лента, и теряется вдали. Шофер трясется за своей баранкой. Ему некогда смотреть на небо, он должен вести свою машину... Не гляди, шофер, по сторонам, не гляди на горизонт, потому что бывают очень страшные повороты. И он несется, несется, несется...

В зале нарастает гул. Это зрители встречают песню о солдате. Образцов передает ее содержание, ее смысл, ее звучание.

— Это антивоенная песня, и нужно очень ее понять, и нужно понять, что она поется в Париже, именно в Париже и в Западной Европе... Идет солдат... Что у него? У него сердце, полное любви, потому что ему 20 лет... И все понимают, что влюбленному двадцатилетнему человеку не нужна война, а в то же время гонят людей на войну... Провожают солдата цветами, а когда он возвращается, нет цветов. Он должен быть доволен тем, что ему повезло, что он вернулся... Весь зал молчит. Тишина такая, будто нет никого, потому что это серьезно, потому что всякая песня против войны сейчас во Франции — это важная и нужная песня...

Вместе с нами у радиоприемников и репродукторов сидели десятки тысяч советских людей. Сидели, затаив дыхание. Они благодарны Ив Монтану за то высокое эстетическое наслаждение, которое он им дал. И они благодарны Сергею Образцову, который помог им познакомиться с замечательным демократическим певцом Франции.

Г. РЫКЛИН

Новые книги

Березко Г. Мирный город. Роман. Кн. 2. Воениздат. 295 стр. Цена 6 руб. 25 коп.

Вопросы советской драматургии. Сборник статей. «Советский писатель». 463 стр. Цена 9 руб. 95 коп.

Запотоцкий А. Бурный 1905 год. Перевод с чешского Н. Мироновой. Гослитиздат. 384 стр. Цена 7 руб. 60 коп.

Иванов Вс. Пьесы. «Советский писатель». 428 стр. Цена 10 руб. 45 коп.

Ильмурадов Д. Айгюль. Поэма. Авторизованный перевод с туркменского Т. Стрешневой. Ашхабад. Туркменское государственное издательство. 64 стр. Цена 2 руб. 90 коп.

Карпеко В. Еще про это. Поэма. Стихи. Симферополь. Крымское издательство. 63 стр. Цена 1 руб. 35 коп.

Николаева Г. Повесть о директоре МТС и главном агрономе. «Молодая гвардия». 168 стр. Цена 1 руб. 50 коп.

Очерк истории русской советской литературы. В двух частях. Ч. 1. Издательство Академии наук СССР. 376 стр. Цена 11 руб.

Поднимаясь к новой жизни. Современная немецкая поэзия. (1945—1953). Издательство иностранной литературы. 412 стр. Цена 10 руб. 40 коп.

Поэзия народов Дагестана. Махачкала. Дагестанское книжное издательство. 718 стр. Цена 12 руб. 65 коп.

Сыдыкбеков Т. Дети гор. Авторизованный перевод с киргизского К. Кулиева. Киргизское государственное издательство. 260 стр. Цена 6 руб.

Федотов Г. Открытые двери. Рассказы. Пензенское книжное издательство. 120 стр. Цена 3 руб. 10 коп.

Храпченко М. Творчество Гоголя. Издательство Академии наук СССР. 628 стр. Цена 18 руб. 70 коп.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

В 1941 году семинар поэтов Литературного института весь, как один человек, добровольно ушел в Советскую Армию. Прощаясь со своими студентами, я вглядывался в них и думал о судьбе каждого.

Прошли годы. Студент Коган погиб на Северо-Кавказском фронте. Вернулись Александр Яшин и Платон Воронько, ставшие вскоре известными поэтами. Недавно обратил на себя внимание Борис Слуцкий. Но многих я потерял из виду, хотя знаю, что они живы.

И вдруг передо мною книжка, изданная в Сталинграде, — **«Юрий Окунев. Стихи».** Он ли это?

Кто легким быть обяжется,
Окажется ничем.
Гордись такою тяжестью,
Она дана не всем.

Да, это он. Это его жизненная программа, ставшая литературным принципом.

Желаю я не много и не мало:
Чтоб честность на часах всегда стояла,

И в жизни мне не так уж много надо:
Чтоб мог смотреть, не уклоняя взгляда

От глаз твоих, задумчиво тревожных...

Он, он, попрежнему немного косноязычный, но попрежнему прямой, открытый, чистый, каким и должен быть поэт. Я перелистываю страницы — и то здесь, то там нахожу характерные для него описки, невнятицу, какофонию, с которыми я так боролся в Литературном институте. И даже отличное стихотворение «О весне», где этих недостатков нет совершенно, говорит о прежнем Окуневе, меланхолическом, немного женственном, который даже вешнее буйство стремится сделать приглушенным...

Есть в книжке и стихи на военные темы: «Дороги», «Сталинград в Киеве», «Баллада о трех сталинградцах» и др. Все они написаны на хорошем профессиональном уровне, но подобно тому, как мы не удивляемся медалям у человека, вернувшегося с фронта, так не приходится удивляться и военным стихам у сталинградского литератора. Но я ищу новых черт. И вот читаю стихи, посвященные женщине, может быть, жене:

...Чтоб сердце было для тебя открыто,
Чтоб в смертный час припасть щекой
небритой

К твоей щеке и чтоб смогла тогда ты
Узнать, понять, какой ценой солдаты

За верность платят, платят полной мерой:
Всей жизнью, всей любовью, всею верой.

Этого Окунева я не знал. Здесь звучит мужество, которое свойственно голосам Багрицкого и Луговского, но не заимствовано у них — оно добыто жизнью и судьбой воина. И теперь я смело принимаюсь за поэму «Их подвиг», которую боялся читать, так как по старой памяти знал своего студента, как самого что ни на есть лирического лирика. Он разглядывал в микроскоп детали жизни, но не мог схватить ее в обобщении. В новой поэме, к моему счастью, оказался сюжет, действующие лица, приметы времени. Кое-что здесь не получилось, но бо́льшая часть неплоха. Меня же интересует то новое, что вошло в сознание Окунева с войной и что, не разрушив цельности поэтического облика, подняло его стих на уровень подлинной гражданственности и придало ему оттенок меди. Это новое сказалось в глубоком понимании культуры, как явления, принадлежащего всему человечеству, но неизменно идущего с теми, кто прав. Поэт, всегда любивший музыку, но видевший в ней только человека наедине со своей тоской, сегодня воспринимает ее, как великую силу, способную поднять миллионы и поражать врага.

...Со сцены Людвиг ван Бетховен
На немцев пристально глядел...

То близился конец похода...

В московском зародясь Кремле,
Шагала музыка свободы
По исстрадавшейся земле.

Советские войска, входящие в Германию с трубами Бетховена,— образ значительный по своему философскому обобщению. Он говорит о прекрасных возможностях молодого поэта.

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

УСТРОИТЕЛИ ЗЕМЛИ

Случилось так, что очерк **Анатолия Аграновского «Дорогая земля»**, опубликованный в шестнадцатой книге **альманаха «Год тридцать седьмой»**, я прочитал в деревне, неподалеку от озера Неро. Места, где я жил, похожи на те, о которых рассказывает А. Аграновский, и это позволило мне отчетливее увидеть достоинства и недостатки очерка.

На здешних заболоченных лугах, где косить можно лишь вручную, в воде, среди пляшущего в воздухе злого комарья, постигаешь вдруг, что слова «труд» и «трудно» — одного корня. А когда увидишь обширный и ровный луг с высокой, чуть ли не по плечи бекманией — травой исключительной урожайности и питательности, посеянной на таком же болоте, когда увидишь этот луг и прямолинейные осушительные каналы с беспрепятственно бегущей в них водой, проникнешься глубоким уважением к мелиораторам, устроителям земли.

Это чувство уважения укрепляется еще больше, когда читаешь «Дорогую землю», ибо в этом очерке с большой выразительностью передана поэзия труда мелиораторов.

Один из персонажей очерка сказал однажды: «...Если болото взять — это, по мне, самый настоящий пережиток капитализма или — как это еще говорится? — родимое пятно проклятого прошлого на лике земли... Кончать надо с ними!».

Очень хорошо изобразил очеркист это «родимое пятно» — курившееся холодным паром болото: «Звенели комары. Воды почти и не видно было, она таилась в зарослях осоки, над которой чуть покачивались бархатные шишечки камыша. Лишь у берега открывался небольшой омуток, но его поверхности носились маленькие водяные жучки, и тени от них тонкими нитями тянулись на дно. Сладкий, пряный запах таволги парил вокруг».

Но поэзия очерка не в этих описаниях — выразительных и необходимых,— поэзия его в том, как советские люди уничтожают такого рода внешне красивые, но бесплодные места на нашей земле.

А. Аграновский сумел показать влюбленность этих людей в свою скромную и трудную профессию. Один из наиболее удавшихся автору персонажей — Ефим Аникеевич Кириленко, «бог мелиорации». Не так уж много рассказал о нем очеркист, и если перед нами возникает живой и яркий характер, то это потому, что из всех черт, какие характеризуют Кириленко, А. Аграновский выбрал главное: Кириленко не присматривается к жизни, он делает жизнь.

Материал, взятый для очерка А. Аграновским, требовал строгого, сдержанного письма, однако очерк «Дорогая земля», к сожалению, кое-где грешит щеголеватостью, местами — фельетонной бойкостью.

Вот один из примеров: «Дискуссия», — пишет А. Аграновский, — крепла и развивалась по двум линиям: по линии официальной (ходоки в уезд, прошения, судебная тяжба) и по линии неофициальной (кулаки, камни, колья)». Слово «дискуссия», употребленное применительно к тяжелой деревенской драме, вызванной земельными неурядицами дореволюционных лет, воспринимается в неуместном здесь игриво-ироническом плане.

И еще один недостаток увидел я в очерке. Я имею в виду тот прием острой газетной корреспонденции, в каком написана глава «Спор». В этой главе речь идет о бюрократической чехарде вокруг осушения и освоения болот Смоленщины.

Казалось бы, какой же это недостаток? Но в том-то и дело, что очерк — жанр художественной литературы и задача его, в отличие от корреспонденции, пожалуй, не в том, чтобы разоблачить того или иного **конкретного** бюрократа, а в том, чтобы показать характер, **тип** бюрократа, заклеймив таким образом бюрократизм вообще.

Из окна той избы, где я жил и где читал очерк «Дорогая земля», виден был кочковатый заболоченный луг, за которым простерлось умирающее озеро Неро. Вот уже несколько лет никак не стронется с мертвой точки вопрос об осушении «дорогой земли», лежащей в котловине вокруг озера. Но товарищи, отвечающие за освоение котловины озера Неро, резонно могут сказать, что у очеркиста не про них писано, — у него, мол, про Смоленск...

Ефим ДОРОШ

СЕРДЦЕМ ПИСАННАЯ КНИЖКА

Чувством полноты и радости жизни, любовью к своему народу, его труду и борьбе проникнута поэма народного поэта Чувашии **Якова Ухсая «Дед Кельбук»** («Советский писатель». Москва, 1954).

Герой поэмы — типическая фигура, близкая образам произведений устного народного творчества. В этом образе воплощены лучшие черты национального характера чувашского народа.

Настоящий поэт не может не любить своего героя. С подкупающей простотой и искренностью пишет Я. Ухсай в одном из лирических отступлений:

Я хотел, чтоб он известен
Был во всем краю родном.
И поэму — дело чести —
Написать решил о нем.

Говорят мне: «Много слишком!»
Критик мой, не будь так строг:
Сердцем писанную книжку
Можно ль мерить счетом строк?

В тринадцати главах этой книжки развертывается вся жизнь героя — от его первого младенческого крика до глубокой старости, когда ему довелось увидеть ясный день социализма. Но автор не придерживается хронологической схемы, он свободен в выборе материала. Каждая из глав представляет, по существу, самостоятельный эпизод, характерную страницу из жизни героя и его народа в прошлом или настоящем. Вместе с тем поэма не оказывается механическим соединением отрывков. Связаны они и единством главного образа и единством авторской манеры.

Всю поэму окрашивает характерный для народной поэзии юмор, то добродушно-веселый, то переходящий в горькую иронию в главах, рисующих мрачное прошлое, то звучащий, как сатира. Вот мать Кельбука по старинному обычаю прячет в сундук засушенную пуповину новорожденного, чтобы охранить его от бед. И поэт улыбается с мягкой иронией:

На замок закрыт сундук,
Прочен, долговечен.
Так с рожденья был Кельбук
Счастьем обеспечен.

Яркими сатирическими красками написана глава «Борода». В ней рассказывается о том, как на селе выбирали старосту и все бедняки голосовали за Кельбука, самого длиннобородого, а значит, самого старшего и почтенного человека. Но по требованию богатеев старостой был поставлен кулак Сусмет с тощей бороденкой. Остроумное, яркое по поэтическому приему обыгрывание бороды, как признака мудрости, приобретает явственное социальное звучание.

Интересный сюжетный ход найден автором для изображения неувядаемой молодости своего героя. Дед Кельбук, доживя до преклонного возраста, заблаговременно сколотил себе по обычаю предков гроб. Но вот проходит еще сорок лет, а у Кельбука «ехать в мир загробный что-то времени все нет». Гроб долгое время служил ящиком для муки и крупы, рассохся, и наконец дед Кельбук смастерил из остатков дерева сундучок, наполнив его нужными для жизни вещами.

Просто, свежо написана вся поэма. Краски оригинала удалось хорошо передать переводчикам Л. Пеньковскому и Н. Чуковскому.

Судьба деда Кельбука, крепкого, как дубы его родины, мудрого, как народ, изображена с большой правдивостью и мастерством.

Л. БАТЬ

МЫСЛЬ И УЛЫБКА

Умение говорить с юным читателем, как с равным,—большое искусство, доступное немногим. И молодой писатель **Анатолий Чехов** в своей повести **«У самой границы»** («Молодая гвардия». 1954. 267 стр.) идет именно этим трудным путем.

Автора подстерегала опасность: рассказывая о трех мальчуганах, проводящих лето на заставе, он мог слишком увлечься романтикой пограничной жизни, позволить юным героям проявлять чудеса героизма, участвуя в поимке шпионов. Ничего этого нет в книге. На первый взгляд, повествование даже несколько по-бытовому снижено. Ребята, хотя и понимают необычность своих каникул, ведут себя, словно на подмосковной даче: купаются, копают червей для рыбной ловли, лазят по горам, занимаются своим четвероногим другом Тобиком, а рядом идет другая, напряженная, полная опасностей жизнь взрослых обитателей заставы.

Серьезнее всех Саша Панкратов, сын погибшего на этой заставе героя-пограничника. Может быть, едва пробудившееся чувство мужской гордости, смутное понимание того, что надо быть достойным отца, делает его несколько строже своих друзей, заставляет испытывать острое чувство неловкости, когда Славка, пользуясь неведением слушателей-ребят, самозабвенно расписывает мнимые Сашины подвиги.

Сочность диалогов и жанровых сцен портит некоторая дробность повествования. Автор не всегда умеет логикой развития характеров определить последовательность глав, связь их иногда случайна. Кроме того, стремясь, видимо, повысить «коэффициент полезного действия» своих героев, писатель вводит примелькавшуюся историю с геологами, которым дети помогают обнаружить ценные минералы.

Хотя Саша и Славка не совершили подвигов, хотя так и не поняли они, что Аграфена Петровна, женщина в скромной одежде русской крестьянки, вовсе не «мать погибшего пограничника», а опытная вражеская лазутчица, — лето не прошло для них даром. Подвиг взрослых, охраняющих мирный труд страны на затерянной в лесах заставе, накладывает какие-то черты возмужания и на этих, только начинающих жизнь героев.

Серьезная по мысли, эта книга согрета мягким авторским юмором. Вот, например, описание спуска в пещеру. «Усевшись на шершавый корень, Саша стал привязывать к коленкам Нюрины ватные плечики... Сколько ни видел Славка женщин, у всех плечи торчат до ушей, и ничего красивого, а вот у Сашки эти штуки были прямо-таки на месте. Здорово Сашка придумал!.. Но все-таки Славку задевало, что не он, а Сашка все это придумал. И вдруг его осенило.

— Держи Тобика! — сказал он. — В Италии есть пещера — все собаки дохнут: три минуты — и все... Саша привязал Тобика к сосне. Видно было, что Славкина мысль его озадачила...

И хотя вниз можно было сойти по уступам, Саша размотал с пояса веревку, захлестнул вокруг валуна и, придерживаясь за кусты, повис над «пропастью».

Сколько в этом отрывке ласковой иронии старшего друга, горячо любящего своих маленьких героев! Но художник Б. Старис, иллюстрировавший книгу, изобразил застывшие детские фигурки с ничего не выражающими физиономиями, какими иногда сопровождаются параграфы школьных учебников иностранных языков. Для повести они явно не годятся: в них упущено главное, чем хороша эта вещь,— серьезная мысль и добрая улыбка автора.

С. ЛАРИН.

ЦЕНА КОЛЫБЕЛЬНОЙ ПЕСНИ

Молодая мать-исландка сложила... для своего сына колыбельную песню. Об этом узнал директор варьете. Он подслушал ее пение. Какая прелестная песенка! Какая непосредственность! Какой оригинальный номер для очередной программы! «Моя фамилия Фейлан О'Фейлан, — сказал этот ценитель искусства,— я директор «Серебряной луны». И пришел, чтобы купить вас, иначе говоря, сделать актрисой. Вы будете знаменитой...».

Мать маленького Нонни хотела стать знаменитой. Почему не попытать счастья?

Между первым и последним актами **«Проданной колыбельной»** — новой пьесы известного исландского писателя **Халлдора Лакснесса** («Октябрь», № 1, 1955. Перевод с исландского В. Морозовой)—проходит пять-шесть недель. За это время Лоа, героиня пьесы, узнает подлинную цену колыбельной песни.

«Ты покорила мир»,—говорит она в начале пьесы своей подруге, знаменитой певице. «...Но какой ценой? — отвечает ей актриса.— Ты ведь знаешь, иные купцы больше наживаются на том, что они дают в виде «премии», чем на самом товаре». Ответ подруги звучит загадкой.

Эту загадку разрешает сценическая карьера Лоа. «Товар», который она предлагает Фейлану,— простая, бесхитростная колыбельная песня. «Премией» должна стать сама Лоа, весь чистый и светлый духовный мир, где родилась ее песенка.

Фейлан «купил» Лоа, чтобы создать вокруг ее номера рекламную шумиху, а затем «перепродать» актрису мистеру Пикоку, директору Универсальной концертной корпорации Лондон—Париж—Нью-Йорк. По условиям слелки, Лоа должна отказаться от своего мужа («Мы, директора варьете, не любим, когда наши артисты спят в супружеской постели»), забыть своего ребенка (на эстраде его заменит кукла), продать свое тело мистеру Пикоку («Вы останетесь с ним и склоните его на свою сторону»), отречься от своей колыбельной («...изредка прорывается мелодия колыбельной песни в джазовом ритме»).

Страшная правда о судьбе искусства, ставшего товаром. О рабстве искусства. Какую свободу может иметь товар, кроме «свободы» переходить из рук в руки?

Читаешь «Проданную колыбельную», и вспоминается запись из дневника французского писателя-академика Андре Моруа, помеченная 21 декабря минувшего года: «Крупные дельцы владеют прессой, но они предоставляют в печати каждому полную свободу, лишь бы только некоторая общая линия соблюдалась без особенных отклонений». Не это ли же самое можно сказать и об искусстве в странах, где оно расценивается на доллары? И чувствует ли Андре Моруа, какая насмешка над «полной свободой» заключена в его словах?

Крупные дельцы, владеющие концертной корпорацией Лондон—Париж—Нью-Йорк, предоставили матери маленького Нонни «полную свободу». Они попытались даже извлечь немалую выгоду из такого «неособенного отклонения», как колыбельная песня на эстраде. Но господа Фейлан и Пикок потребовали, чтобы «общая линия» соблюдалась неукоснительно — растление человеческого в человеке, превращение художника и его творения в товар, уничтожение самого источника творчества.

Н. РАЗГОВОРОВ

«Учительской газете»: «У нас принято всегда ссылаться на Макаренко». Когда испытываешь жажду — «принято» пить, когда хочется есть — «принято» есть. И естественно, что в трудных педагогических случаях обращаешься к опыту замечательного педагога, который многие годы посвятил воспитанию, много думал и много сказал о воспитании нового человека. Но как раз в этом конкретном случае, может быть, и не было необходимости обращаться к А. С. Макаренко, нужен был просто здравый смысл, нужно было понимание того, что же такое советское поведение, коммунистическая нравственность.

«В своей многолетней практике, — пишет в редакцию «Литературной газеты» учитель А. Косов из Ново-Георгиевска Кировоградской области,— я всегда боролся и продолжаю отстаивать положение: нельзя выведывать под секретом—«...скажи мне о своих товарищах, об этом никто не будет знать»,— ведь это воспитание подлости в иных несмелых и безвольных детях. Как еще много есть педагогов, завучей и директоров, которые этого не хотят понять».

Как мы уже говорили выше, авторы некоторых писем-откликов упрекают Е. Рысса в оправдании и поощрении хулиганов. Они приводят разные, действительно возмутительные случаи озорства и хулиганства и говорят: с этим надо беспощадно бороться. Правильно, бесспорно, — бороться надо! Бороться решительно! Но надо ли доказывать, что и правильнее и эффективнее будет борьба в открытую? И именно открытая, прямая борьба вернее всего изобличит хулигана в глазах остальных ребят, сплотит коллектив и противопоставит его хулигану.

В своем письме в «Литературную газету» учительница Архангельской школы (Каменский район, Тульской области) П. Кудрявцева рассказывает такой случай.

Трое учащихся ушли с последних уроков. Им казалось, что они поступают независимо, почти доблестно. Явившись на другой день в школу, они развязно подошли к доске приказов и объявлений, всем своим видом стараясь показать полное безразличие к наказанию, которое их может постигнуть. Каково же было их удивление, когда они прочли приказ директора: выговор был объявлен не им, а вчерашним дежурным их класса — за то, что дежурные плохо исполняли свои обязанности.

И когда это событие обсуждалось на классном собрании, ребята строго осудили поведение «беглецов», а «беглецы» поняли, что они не предоставлены самим себе, а являются членами коллектива, связанного общей ответственностью, общими правами и обязанностями. Если же нет ответственности, нет взаимосвязи, то перед учителем — не коллектив, а сборище.

П. Кудрявцева пишет о шестом классе, описанном в статье: «Думается, что классному руководителю и учителям не удалось еще выработать у ребят чувства ответственности не только за свои поступки, но и за поведение товарищей. Кто должен был отвечать за дисциплину и порядок в классе в тот злополучный день? Прежде всего классный организатор и дежурные».

Это совершенно справедливо. И как ни парадоксально может показаться кому-нибудь на первый взгляд, в случае с «шестым классом» следовало бы поступить именно так, как в случае с тремя прогульщиками, описанном П. Кудрявцевой: раз уж инициаторы «происшествия» сами не назвали себя, правильно было бы призвать к ответственности классного организатора, председателя совета отряда и дежурных. Они отвечают в отсутствие учителя за порядок в классе, они отвечают за коллектив! И мы глубоко убеждены: заводилы не позволили бы наказать вместо себя других, они назвались бы. И все ребята при этом поняли бы, что они — не просто случайно собранные вместе сорок человек, но коллектив, поняли бы, что они забыли о своих обязанностях, о своей ответственности перед школой, перед учителем.

***

Да, труд учителя нелегок. Учитель воспитывает собой, своей кровью, писал М. И. Калинин. Правы товарищи, когда утверждают, что труд этот по природе своей нуждается в общественной поддержке. Но, думается, в данном случае, общественная поддержка как раз и заключается в том, чтобы прямо, без оглядок и смягчений, сказать: толкать ребят на разговор по секрету было безнравственно.

Среди откликов на статью Е. Рысса есть письмо учительницы московской школы Е. Бузылевой, которая пишет так: «...печатая статью о школе, касаясь вопросов воспитания, обсуждая их и осуждая в отдельных случаях поведение учителя, авторы должны помнить о том, что они ставят эти вопросы в печати, которая попадает в руки тех же учащихся. Авторы статей и редакция, которая их публикует, забывают о том, что они способствуют подрыву авторитета учителей, не только тех, кого они конкретно обсуждают, а любого учителя вообще. Это не значит, что работа учителя не должна подвергаться критике, но это означает, что она должна подвергаться критике в учительской аудитории, в отсутствии учащихся и их родителей. Не нужно специальных знаний в области педагогики, чтобы понять это положение».

Согласиться с этим трудно, более того,— невозможно. Пожалуй, нет такой проблемы, в которой весь народ был бы так кровно заинтересован, как воспитание детей. Нет такой самой малой статьи о школе, об учителях, которая не вызвала бы в читателе глубокого и взволнованного отклика. И недаром на статью Е. Рысса откликнулись не только педагоги, но и родители.

Как же иначе? Как можно искусственно оградить школу от доброжелательного и требовательного глаза народа?

Нет, думается, что статья о «происшествии в шестом классе» имела право на место в газете. Она, эта статья, заставила думать, спорить, она взволновала сотни людей и многих заставила взяться за перо. Несколько торопливых строк или большое, обстоятельное письмо, слова упрека и слова в поддержку главной мысли статьи — все это можно найти в почте «Литературной газеты», в письмах-откликах на выступление Е. Рысса.

Требовательное отношение к школе, всеобщий интерес к тому, что совершается в ее стенах, не исключают, а предполагают любовь, внимание, уважение к учителю, к его нелегкому труду. Острые вопросы воспитания надо обсуждать; обсуждать всесторонне и смело; обсуждать с учетом требований педагогики и наших общих требований к советскому человеку. Такой разговор—я уверена в этом — нужен всем, в том числе и учителям.

ОТ РЕДАКЦИИ. Публикуя настоящую статью, редакция предполагает в ближайшее время вернуться к вопросам, затронутым писателями Е. Руссом и Ф. Вигдоровой.

ПРОТИВ АТОМНОЙ ВОЙНЫ

Начался сбор подписей под Обращением Всемирного Совета Мира

Призыв Всемирного Совета Мира развернуть могучую кампанию по сбору подписей под требованием остановить подготовку к атомной войне, уничтожить во всех странах запасы атомного оружия и немедленно прекратить его производство встретил горячую поддержку простых людей всех стран земного шара. Прошло совсем немного дней с тех пор, как закончилось в Вене заседание Бюро Всемирного Совета Мира, на котором было принято это решение величайшего значения, а уже начинают сбываться слова видного борца за мир Фредерика Жолио-Кюри о том, что воззвание к народам мира «воодушевит завтра в каждой стране, в каждом городе, в каждой хижине тысячи и тысячи мужчин и женщин, которые будут ходить от двери к двери, из дома в дом, в цехах и на полях, собирая подписи под нашим Обращением, и, таким образом, будет создано самое мощное препятствие на пути к атомной войне».

Плакат, изданный в Париже к Национальному дню борьбы французских женщин за разоружение, против возрождения германского милитаризма. Плакат призывает: «За запрещение атомного оружия. Против гонки вооружений. Против перевооружения Германии»

Снимок из французской газеты «Юманите»

Голос женщин

Франция. Тысячи парижанок собрались 30 января в обширном зале Порт де Версай на массовый митинг протеста против вооружения Западной Германии, за запрещение атомного оружия и за всеобщее разоружение. На митинге присутствовали также активные сторонницы мира, приехавшие из Западной Германии, Италии, Англии, Голландии и Бельгии. Участницы митинга направили послание членам Совета республики Франции с призывом во время предстоящих дебатов голосовать против ратификации парижских соглашений, а также приняли обращение к Организации Объединенных Наций с требованием запретить атомное оружие.

По инициативе Комитета борьбы французских женщин против возрождения германского милитаризма подобные собрания проходили в этот день во многих городах и селах страны. Комитет обратился ко всем француженкам, страстно стремящимся к миру, объединить усилия, чтобы предотвратить бешеную гонку вооружений... Мы, француженки,— говорится в обращении,— должны потребовать разоружения, чтобы сохранить наши семейные очаги, сохранить наших детей от ужасной смерти, чтобы лучшие изобретения человечества были поставлены на службу жизни, а не разрушениям».

Первые подписи

Австрия. 29 января Национальный совет мира официально объявил о начале кампании по сбору подписей под Обращением Всемирного Совета Мира. Однако фактически многие австрийские сторонники мира по собственной инициативе начали сбор подписей под этим историческим документом уже две недели тому назад — в тот день, когда Обращение было принято Бюро Всемирного Совета Мира. Сотни рабочих заводов Вены поставили свои имена под текстом Обращения. Трудящиеся металлургической, химической и горной промышленности нефтяных районов Нижней Австрии приняли резолюцию, в которой приветствуют решение о сборе подписей под Обращением.

Заклеймить позором атомщиков

Индия. Люди различных политических убеждений выступают с требованием сорвать планы атомщиков, прекратить производство атомных и водородных бомб. Бывший генерал-губернатор Индии Раджагопалачария, выступая перед студентами и преподавателями Нагпурского университета, заявил, что нужно вести постоянную агитацию и пропаганду против атомного оружия. «Мы должны,— продолжал Раджагопалачария,— подвергнуть это оружие осмеянию и покрыть его позором».

Исполком правительственной партии Индийский Национальный Конгресс сделал заявление, в котором подчеркнул необходимость запретить производство и испытания атомных и водородных бомб.

Решение принадлежит народам

Италия. Сторонники мира поставили перед собой благородную задачу — обсудить Венское Обращение и организовать сбор подписей под ним в каждом городе и населенном пункте страны, в каждой итальянской семье. Участники многолюдных митингов, состоявшихся в Милане, Турине, Генуе, Болонье и других городах, заявили о своем протесте против подготовки атомной войны. Группа работниц ряда фабрик Рима, родственники которых были убиты немецкими фашистами, обратилась ко всем работницам столицы с призывом подписать Обращение Всемирного Совета Мира. Члены провинциального совета в Терни — представители коммунистической и социалистической партий, а также христианские демократы — одобрили резолюцию, требующую уничтожения атомного оружия. Аналогичные резолюции были приняты муниципальными советами городов Джовинаццо, Никастро и Винчи. «...Кампания, организуемая под знаком Венского Обращения,— заявил генеральный секретарь итальянского комитета движения сторонников мира Эмилио Серени,— подтвердит, что человечество попрежнему является хозяином своей судьбы вопреки преступному безумству тех, кто готовится развязать атомную войну. В конечном итоге решение принадлежит людям, народам».

Деятели культуры должны объединиться

Англия. Все большее число членов лейбористской партии, профсоюзов, участников кооперативного движения, активистов молодежных и женских организаций, людей, представляющих все слои населения, включается в борьбу за мир. В ближайшее время во многих округах страны будет проведено 5 тысяч митингов сторонников мира.

Английские деятели культуры глубоко взволнованы усилением напряжения международной обстановки в последнее время, возросшей опасностью атомной войны. На днях в Лондоне состоялась конференция представителей английской интеллигенции на тему «Культура и английский народ». В работе конференции приняли участие прогрессивные писатели, художники, архитекторы, артисты, ученые и преподаватели. Деятели английской культуры, выступавшие на конференции, подчеркивали, что народная культура может сохраниться и развиваться только в случае сохранения мира и что, следовательно, борьба за развитие культуры — это в то же время борьба за мир.

ТАЙВАНЬ ДОЛЖЕН БЫТЬ ВОЗВРАЩЕН НАРОДНОМУ КИТАЮ

Филологи не раз указывали, что выражение «Дальний Восток» давно уже стало анахронизмом. Трудно с ними не согласиться. Дело, конечно, не только в том, что прогресс техники вообще и авиации в частности изменил все представления о расстоянии. В наше время, в результате великих исторических сдвигов в Азии, этот район земного шара перестал быть задворками мира, где любое злодеяние империалистов оставалось «шито-крыто».

События последнего десятилетия ясно показали каждому европейцу и каждому американцу, что все происходящее на Дальнем Востоке, самым близким и непосредственным образом затрагивает и его. Акты агрессии, развязанной империалистами на Дальнем Востоке, дорого обошлись простым людям в США и Европе. Они поплатились за авантюризм своих правителей собственной кровью, потерей близких, ухудшением условий жизни.

Большую тревогу и возмущение народов вызывают новые агрессивные действия американских поджигателей войны на Дальнем Востоке, их попытки вновь обострить и осложнить обстановку в этом районе, вновь поставить человечество перед угрозой мирового пожара.

Не будет преувеличением, если мы скажем, что провокационные действия США против Китайской Народной Республики в районе Тайваня вызвали невиданную еще бурю народного гнева на всех континентах.

Шестисотмиллионный китайский народ охвачен негодованием.

«Китайский народ,— пишет газета «Женьминьжибао»,— непременно освободит Тайвань, острова Пэнхуледао и прибрежные острова и ни в коем случае не допустит чьего бы то ни было вмешательства в справедливую борьбу китайского народа. Только прекращение всех вооруженных действий США против Китая и вывод всех американских вооруженных сил из района Тайваня могут ослабить напряженное положение в районе Тайваня и на Дальнем Востоке».

Китайская печать осуждает роль Англии и некоторых других стран, которые своими лицемерными призывами к «умиротворению» в районе Тайваня прямо пособничают агрессору. Истинный характер «посреднических» услуг новоявленных английских мюнхенцев едко и убедительно разоблачает китайская газета «Вэньхуэйбао»:

«Вор вломился в чужой дом с намерением совершить убийство и поджог. Он нагло кричит, что если кто-либо помешает ему сделать это, он готов драться не на жизнь, а на смерть. В таком случае следует как можно скорей выгнать вора из чужого дома и таким образом ликвидировать источник опасности. Так, очевидно, думает любой здравомыслящий человек. Каждый, кто действительно заботится о безопасности общества, непременно поможет пострадавшему. И, конечно, уж никто не захочет выступить в роли посредника, желающего «уладить дело», независимо от того, кто здесь прав, а кто виноват. Между тем Англия предлагает именно такой способ урегулирования тайваньского вопроса. Она льстит вору — агрессору и делает все возможное, чтобы помешать пострадавшему обороняться».

Политика английского правительства в тайваньском вопросе настолько несовместима с национальными интересами Англии, что никакие усилия официальной пропаганды не в силах склонить широкие круги английской общественности к поддержке этой позиции.

Агрессивные действия США против КНР вызывают глубокую тревогу и в других европейских странах. Печать различных направлений сходится на том, что посягательства США на Тайвань не имеют каких-либо политических, исторических, юридических и моральных оправданий. «Молотов прав, когда он говорит, что присутствие США на Формозе является вмешательством во внутренние дела Китая»,— пишет обозреватель швейцарской газеты «Ла Сюисс» Р. Бом.

Само собой разумеется, что в соседних с Китаем странах новые провокации врагов мира вызвали особенно гневную реакцию. В странах Азии возникло мощное движение солидарности с китайским народом. 6 февраля в Индии проводится кампания под лозунгом «Убирайтесь с Тайваня!». Выражая чувства сотен миллионов простых людей Индии, газета «Свадхината» пишет: «Мы не можем себе позволить быть пассивными и безразличными перед лицом этого вооруженного вмешательства Америки во внутренние дела Китая. Опасность угрожает не только Китаю. Она угрожает всей Азии и, естественно, относится к Индии...

Индийский народ понимает, что борьба Китая за освобождение Тайваня является и его борьбой. Он с возмущением и опасением относится к наглому заявлению Эйзенхауэра».

Трезвые голоса раздаются и в самих Соединенных Штатах. Поток писем от честных американцев в редакции газет и на имя видных политических деятелей США столь велик в эти дни, что даже реакционные органы печати вынуждены публиковать некоторые из этих писем. Так, чикагская «Дейли ньюс» поместила на днях письмо читателя М. Шнейдера. Автор напоминает, что «тот же самый хор голосов», который призывал Соединенные Штаты пересечь 38-ю параллель в Корее, теперь настаивает на том, чтобы Чан Кай-ши вернулся в материковый Китай. «Этот хор составляют желтая пресса, стремящиеся к войне генералы, адмиралы и невежды. Это хор гибели и катастрофы для Соединенных Штатов. Если в результате нашего вмешательства в дела Китая в Азии начнется широкая война, весь цивилизованный мир повернется против нас».

Многие американцы, встревоженные курсом правительства Эйзенхауэра, высказываются за изменение внешней политики США. Не так давно журнал «Форейн полиси бюллетин» организовал обсуждение тайваньского вопроса. Принимавший участие в этом обсуждении профессор Колумбийского университета Н. Пеффер, пользующийся в США репутацией одного из крупнейших знатоков Дальнего Востока, сформулировал взгляды тех кругов американской общественности, которые осуждают американскую политику в отношении народного Китая, и в частности посягательства США на Тайвань. «В сущности, — пишет Пеффер,—это вообще не дипломатия и не военная стратегия. Это внутренняя политика и истерия, разжигаемая среди населения во внутриполитических целях...».

«Поскольку, — продолжает он, — о таком чуде, как возвращение Чан Кай-ши на материк, не приходится и думать... нам остается лишь надеяться, что мы сумеем каким-то образом заключить мир с Китаем — коммунистическим Китаем, — мир, при котором ни одна из сторон не поступится ничем существенным. Этот мир не обязательно будет основан на взаимной приязни или доверии, но в основе его будет лежать взаимная терпимость, скажем, сосуществование. Такой шанс существовал на Женевской конференции, но он был упущен, когда государственный секретарь Джон Фостер Даллес заранее заявил, что будет вести переговоры с китайской делегацией лишь при условии капитуляции Китая...»

Эти высказывания зарубежной печати и представителей общественности различных стран выражают возмущение, охватившее миллионы простых людей всех континентов в связи с новой американской агрессией против Китайской Народной Республики. Они свидетельствуют о решимости народов обуздать врагов мира.

Летный состав морской авиации США готовится к приему тяжелого самолета-бомбардировщика на борт одного из американских авианосцев, «патрулирующих» в Тайваньском проливе.

Снимок из американского журнала «Лук»

ЧЕГО БОИТСЯ МИСТЕР ДЖЕННЕР?

Сенатор-республиканец Уильям Дженнер, уподобившись Зевсу-громовержцу, снова мечет громы и молнии на головы своих подчиненных, хотя по должности он не является больше председателем сенатской подкомиссии по вопросам внутренней безопасности. Как сообщает агентство Юнайтед Пресс, сенатор говорит о необходимости «найти средства для обуздания деятельности» американцев, которые вернулись из «красного» Китая и стали «пропагандистскими агентами» китайских коммунистов. Более того, Дженнер настаивает, чтобы все приехавшие из Китая были зарегистрированы, как «иностранные агенты».

Объектом его особой ярости стала г-жа Сильвия Кэмпбелл Поуэлл. В середине декабря прошлого года она была вызвана в пресловутую подкомиссию, где отказалась ответить на провокационный вопрос, является ли она коммунисткой. Тем не менее Дженнер, вытащив теперь этот старый протокол, вновь повторяет свои обвинения.

Каковы же улики? С точки зрения Дженнера, их более чем достаточно: она была в «красном» Китае со своим мужем журналистом Джоном Поуэллом, о тразле которого в США уже сообщалось нашей печатью. Поуэлл, как известно, отказался стать шпионом, платным агентом американской разведки, выступал в американской печати и читал лекции о новом Китае.

Как видно, сам по себе факт выступлений Поуэлла о Китайской Народной Республике вызывает бешеную злобу американского сенатора. Он наклеивает супругам Поуэлл ярлык «пропагандистских агентов» китайских коммунистов. Дженнер требует «обуздания деятельности таких людей», он истошно кричит, что надо запретить им «пользоваться свободой и привилегиями, за которые боролись другие американцы».

Чего же испугался Дженнер? Этот «защитник американских свобод», как огня, боится, чтобы слово правды о Китае не достигло ушей простых американцев.

Надо сказать, что Дженнер не одинок в своем слепом страхе перед новым Китаем,—этим страхом заражен весь государственный аппарат США. Разве не показательно для размаха этой истерии, что среди книг, отобранных у Поуэлла в 1953 году, когда он возвращался из Китая, был экземпляр «Нового завета», конфискованный только потому, что, как заявил инспектор американской таможни, «этот «Новый завет» был в Китае и его нельзя пропустить в США»?

Делая ставку на обанкротившуюся клику Чан Кай-ши, готовя военные провокации против Китайской Народной Республики, реакционные круги США смертельно боятся, чтобы американская общественность не узнала правды о новом Китае.

Отсюда и стремление Дженнера и ему подобных расправиться с людьми, которые были очевидцами свободной жизни в Китайской Народной Республике.

И. М.

М. Л. Лозинский

1 февраля 1955 года после тяжелой и продолжительной болезни скончался в Ленинграде Михаил Леонидович Лозинский, один из крупнейших наших переводчиков.

Начиная с 1912 года М. Л. Лозинский выступал как поэт и литературный критик, сотрудничая в ряде журналов того времени. В 1916 году вышла первая книга его стихов «Горный ключ».

Своего расцвета творческая деятельность М. Л. Лозинского, протекавшая преимущественно в области художественного перевода, достигла после Великой Октябрьской социалистической революции. М. Л. Лозинский становится одним из ближайших сотрудников А. М. Горького по изданию обширной книжной серии «Всемирная литература». Тогда же началась и его плодотворная педагогическая работа по подготовке новых кадров советских переводчиков.

Блестяще образованный филолог, тонкий знаток западноевропейских языков, М. Л. Лозинский обогатил советскую литературу рядом высоко талантливых переводов мировых классиков. Широкое признание со стороны советского читателя получили такие его переводы, как «Сид» Корнеля, «Тартюф» Мольера, комедии Лопе де Вега, произведения Шекспира, «Испанский священник» Флетчера, «Эринии» Леконт де Лиля, и др., а также такие выдающиеся прозаические переводы, как «Кола Брюньон» Ромэн Роллана, «Школа злословия» Шеридана, «Кармен» Мериме.

Многие годы своей жизни М. Л. Лозинский посвятил работе над «Божественной комедией» Данте. За этот образцовый перевод М. Л. Лозинскому была присуждена Сталинская премия I степени.

Вся литературная деятельность М. Л. Лозинского служит для советских поэтов и переводчиков примером самоотверженной, вдохновенной и упорной работы над словом.

М. Л. Лозинский долгие годы был деятельным членом правления, президиума и председателем секции переводчиков Ленинградского отделения Союза писателей.

Память о Михаиле Леонидовиче, как о чутком товарище, отзывчивом человеке и высоко принципиальном общественнике, навсегда сохранится в сердцах всех, знавших покойного.

А. Фадеев, А. Сурков, К. Симонов, Д. Поликарпов, Н. Тихонов, Н. Бажан, К. Федин, Б. Полевой, А. Чаковский, С. Маршак, А. Исаакян, И. Абашидзе, К. Чуковский, П. Антокольский, М. Зенкевич, Н. Вильмонт, Л. Эйдлин, И. Кашкин, Е. Калашникова, И. Фрадкин, В. Левик, Н. Заболоцкий, С. Городецкий, А. Котов, А. Пузиков, Б. Лавренев, Е. Книпович, В. Каверин, Т. Трифонова, Н. Чуковский, Б. Пастернак, Н. Любимов, С. Мокульский, С. Шервинский, В. Панова, А. Прокофьев, В. Друзин, В. Саянов, А. Чивилихин, А. Ахматова, А. Дымшиц, В. Жирмунский, К. Державин, А. Остроумова-Лебедева, В. Рождественский, А. Федоров, К. Полонская.

В размах человеческих рук

Савва КОЖЕВНИКОВ

У самого Желтого моря, там, где стоит на Шаньдунском полуострове гора Лаошань, в рыбацком поселке родился мальчик. Поселок назывался Цюйцзя. Много столетий существует этот поселок. Первыми поселенцами его, как гласит предание, была рыбацкая семья Цюй. Потом построили здесь свои фанзы другие семьи. По совпадению ли, или по другим причинам они тоже были Цюйями.

Так или иначе, но за поселком закрепилось название Цюйцзя — поселок семьи Цюй. И вот в этой уже многочисленной к тому времени семье в 1913 году появился еще один Цюй — мальчик, которого назвали Тун-фань.

Тун-фань рос. Когда ему было 10 лет, его очень удивило деревцо байжихун — «сто дней цветения». Дети играли в янгуйцзы—«заморских чертей», и Тун-фань, укрываясь от «противника», прикоснулся к стволу деревца и увидел, как все оно встрепенулось, как задрожали его листья, потускнели цветы.

Мальчика манило море. Отец его, рыбак в пятом поколении, имел лишь одну маленькую сеть, но не имел своей джонки. Конечно, ее не будет иметь и сын. И все-таки ему хотелось как можно скорее выйти в море.

Море — не шутка. Человек может плавать на нем, когда мускулы его достаточно окрепли. Но вот это время наступило. Цюй Тун-фань вышел на берег ранним утром и увидел, как из воды подымалось солнце. Когда оно оторвалось от моря, с него, как показалось юноше, стекали капли. Джонки пошли навстречу умывшемуся солнцу. В одной из них был юноша Тун-фань.

Цюй Тун-фань плавал на джонке помещика Люй Шуй-чжаня. Он ставил сети помещика Люй Шуй-чжаня. Он привозил уловы помещику Люй Шуй-чжаню. Все это он делал так, как делали другие батраки. Но однажды помещик увидел совершенно «невероятную» сцену: среди чужих рыбаков стоял его батрак Тун-фань и объяснял им, как нужно ловить медуз, чтобы волны не уносили сети.

Помещик Люй Шуй-чжань прогнал батрака Цюй Тун-фаня.

— Разве оказать людям помощь — это так уж плохо? — удивленно спросил батрак. Но помещик не стал даже разговаривать.

Через несколько лет Тун-фань уехал в Дунбэй на шахты. За труд там платили чумизой. Чумиза в Дунбэе не такая питательная, как в Шаньдуне, но и ее давали мало. Полтора года Тун-фань работал впроголодь и заболел от истощения.

За Цюй Тун-фанем ухаживали его земляки. И когда он чуть поправился, они все вместе двинулись прямо через горы в родные места.

Жена встретила Тун-фаня с тревогой: по деревням рыскали японцы и насильно угоняли мужчин в армию.

Цюй Тун-фань в тот же день ушел в горы и поселился в одинокой полуразрушенной хижине. Однако к нему явились вооруженные люди и бесцеремонно заявили:

— Слушай, черепаха, ты будешь носить нам из деревни продукты и доставлять наши донесения в другие отряды!

Это были бандиты.

Однажды в горах выпал снег до колен. Тун-фань работал весь день, и все силы его были израсходованы, а вечером ему пришлось нести бандитам солому. В пути он натолкнулся на одинокое деревцо «сто дней цветения». Оно, конечно, не цвело. На хрупких ветвях лежал колючий снег. Слабенький ствол замер, словно оцепенев. Тун-фань дотронулся рукой до тонкой и чуткой его коры, ожидая, что от этого прикосновения оно встревожится, встрепенется, как это случилось в далекий детский день, но оно не шелохнулось.

Жизнь преподала Тун-фаню уже много уроков, и он сказал себе: «Всякий, кто стоит на месте, неизбежно оцепенеет, особенно если мороз велик». Но что же делать?

Цюй Тун-фань спустился с гор к морю, вместе с двумя односельчанами купил маленькую лодку, настолько маленькую, что меньше ее не было на всем побережье Желтого моря. И вновь начал рыбачить. А когда японцы врывались в деревню, Тун-фань и его товарищи уезжали в море и целыми сутками скрывались там.

В поселке не читали газет, потому что все были неграмотны. Но такое событие, как поражение японцев, сразу же стало известно в деревне Цюйцзя и без газет. Радость, однако, была короткой. Американцы привезли на побережье моря банды Чан Кай-ши.

Гоминдановские пираты перехватывали Цюй Тун-фаня в море, забирали уловы. Семья пухла от голода. Ребенок так отощал, что на лице его никогда не появлялась улыбка. Сам Тун-фань, тонкий и слабый от рождения, стал настолько худ, что соседи его не узнавали.

...В поселке Цюйцзя я был недавно. По пути зашел в кумирню и видел там толстый слой пыли на «божестве». У подножья гор я любовался нежными деревьями байжихун — они были все в цвету.

В поселке первым я встретил Цюй Тун-фаня. Мы с ним долго беседовали. И все, что я написал выше, было рассказано мне им самим. Он говорил тихо, раздумчиво, словно прислушиваясь к своим словам.

В поселке Цюйцзя я провел весь день. Женщины пололи грядки на склонах гор, куда они еще весной наносили корзинами землю из долины. Рыбаки сушили сети. На берег налетали крутые волны, шумя по китайски: хуа-хуа. Пахло рыбой.

Я ходил по улицам, и люди охотно показывали все, что меня интересовало. Я заглянул в клуб. Это небольшой продолговатый зал, устроенный в одном из пристроек бывшего помещичьего дома.

Мне показали школу. Это — новое здание. Стеклянными окнами оно смотрело в бухту, где стояли на якорях джонки со сложенными в гармошку парусами.

Побывал я в гостях у Цюй Тун-фаня — в маленькой двухкомнатной фанзе, сооруженной из самана. Окна в фанзе вместо стекол были заклеены бумагой.

— Надо бы новую строить,— как бы оправдываясь, сказал хозяин,— да вот все нет времени.

Распрощавшись с Цюй Тун-фанем, я зашел к его соседке, тетушке Чень. Она долго рассказывала мне о Тун-фане.

Когда в поселке была установлена народная власть, Цюй Тун-фань словно ожил. Он собрал рыбаков в своей фанзе и сказал им: — Тунчжи, посмотрите на море, посмотрите на себя. Что один человек перед морем? А ведь прежде мы даже братьям не рассказывали о своих секретах. Вот, скажем, как ловить медуз...

— Кошка, которая умеет ловить мышей, никогда не мяукает, — крикнул помещик Люй Шуй-чжань, который уже наказал однажды Тун-фаня за нарушение вековых традиций.

—А не настала ли пора вам помалкивать? — вежливо спросил Цюй Тун-фань.

Рыбаки зашумели, кто-то из них, передразнивая Тун-фаня, кричал:

— Ловить... а чем ловить?

Поселок так обнищал, что почти ни у кого не было ни сетей, ни лодок. Цюй Тун-фань не смог ничего ответить. Он не знал, что народное правительство уже послало рыбакам первую партию сетей. Вскоре они пришли. Сам Цюй Тун-фань получил шесть сетей. Через год — еще шесть. Каждые три-четыре семьи обзавелись полным комплектом рыболовецких снастей.

Было приятно смотреть, как весело уходили джонки в море. И однажды, когда они вернулись с большим уловом, Цюй Тун-фань сказал:

— Когда мы, рыбаки, хотим сказать про что-нибудь большое, мы говорим: это в размах человеческих рук. Вот в такой размах мы начали жить. Но большой ли размах рук у одного человека? Другое дело, если встанут рядом, размахнут свои руки двое — трое — десять человек!

Первым понял Цюй Тун-фаня бывший батрак Ван Бу-лу. Вместе они ходили по дворам, разъясняли генеральную линию партии.

К весне 1954 года в поселке Цюйцзя возникла бригада трудовой взаимопомощи. В нее вступило 17 рыбаков. Государство дало бригаде ссуду на три большие джонки и 48 длинных сетей — в десять размахов человеческих рук в длину и в два размаха в ширину.

В большой размах рук пошла и работа, сети едва успевали просыхать. Одна группа рыбаков была на ловле рыбы, вторая — медуз, третья днем добывала морскую съедобную зелень, а ночью ставила сети на акул.

Морская зелень высоко ценится — шесть тысяч пятьсот юаней за цзинь*. Но доставать зелень со дна моря — дело трудное и опасное. Рыбак должен нырнуть в море, пройти по дну пять, а то и десять размахов человеческих рук, схватить там траву и вынырнуть наверх. И все это — за короткое время, пока хватает глотка воздуха.

Ко дню моего приезда четверо рыбаков из бригады взаимопомощи достали со дна моря 250 цзиней зелени, а в ночное время вынули из сетей немало акул.

Вторая группа из шести человек уехала за двести пятьдесят километров на добычу медуз и за каких-нибудь полмесяца наловила около пяти тысяч цзиней. Дела в бригаде Цюй Тун-фаня пошли так хорошо, что скоро в поселке возникла вторая бригада и среди рыбаков только и было разговоров, как о совместной работе.

— А вы, тетушка Чень,— спросил я соседку Цюй Тун-фаня,— вступили в бригаду?

— Нет, я только еще перевоспитываюсь,— ответила женщина.

— Как же вы перевоспитываетесь?

— А так: приходят с моря джонки, и я иду на берег и смотрю, как выгружают рыбу. Потом подсчитываю, сколько у них прибавилось сетей. Иногда заглядываю к бригадникам в фанзы, что они едят, во что одеваются.

— И что же вы видите,— хорошо люди едят и одеваются?

— А что им не есть, не одеваться: за два месяца каждая семья получила по два миллиона юаней.

Время приближалось к вечеру, должны были скоро приехать с моря рыбаки. Тетушка Чень засобиралась на свой очередной «перевоспитательный» урок. Я вызвался проводить ее.

На каждой улице к нам присоединялись все новые сопровождающие. И когда мы подошли к берегу моря, с нами было уже около ста человек.

— Чьи это лодки? — спросил я у людей, показывая на бухту.

— Наши! — ответило несколько человек.

— Чьи сети развешаны?

— Наши! — ответили мне снова.

— Все наше: и лодки, и сети, и море, все наше!

...Перед отъездом я снова встретился с Цюй Тун-фанем. Улучив минуту, когда мы остались в комнате вдвоем, он поведал мне свою заветную мысль:

— Хочу агитировать за производственный кооператив. Как вы думаете — своевременно это? Так же делалось в Советском Союзе?

* Цзинь — 600 граммов.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМИРНОВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И — 51. Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней жизни — К 4-84-28, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И — 51, Цветной бульвар, 30.

Б01214.